

Людмила Астахова Яна Горшкова

НЧЧК. Дело рыжих

Попадальцы всех стран и народов!
Будете попадать, попадайте мимо!

НЧЧК

Людмила Астахова

НЧЧК. Дело рыжих

«Автор»

2008

Астахова Л. В.

НЧЧК. Дело рыжих / Л. В. Астахова — «Автор»,
2008 — (НЧЧК)

Скучно мы живем, господа-товарищи, скучно. Ни тебе драконов, ни единорогов, а уж про эльфов и гномов говорить нечего. А знаете почему? Злые мы. Ушли они от нас. Туда, где представителя волшебной расы не будут попрекать долголетием и остротой ушей, где никому не надо доказывать, что у вашей мамы нет никакой бороды, где не обзываются «грязным орком» и «прислужником Тьмы». Только там в ваш водоем не сольют ядовитые отходы и не вырубят родной лес. Там в небесах парят грифоны и драконы, а невинные девы галопируют на единорогах. Серединная Империя Волшебных Рас – так зовется эта благословенная земля. А на страже закона и порядка там стоят скромные, самоотверженные, честные и неподкупные сотрудники НЧЧК...

© Астахова Л. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Людмила Астахова, Яна Горшкова

НЧЧК. Дело рыжих

Глава 1

Если с самого раннего утра лупит дождь со снегом, под ногами чавкает раскисшее коричневое месиво из грязи вперемешку со льдом, а проезжающая мимо навороченная тачка обдаёт тебя с ног до головы брызгами, то стоит ли ждать от начинающегося дня чего-то хорошего? Нет, конечно. В особенности следователю НЧЧК¹, разбуженному срочным звонком начальства ни свет ни заря. Только чудо Единого помогло Эрину оторвать тяжелую голову от подушки и внятно ответить на истеричный ор Ытхана Нахыровича, при этом удержавшись от грубого посыла непосредственного начальника подальше. Не стоит обольщаться относительно внезапного изменения лексикона уполномоченного следователя, просто после вчерашнего празднования Самайна Эрин не то чтобы материться не мог, он вообще с трудом языком ворочал. Не помогли даже три чашки крепкого кофе.

Вяло кивнув дежурному и скользнув мутным взглядом по доске с объявлениями, Эрин побрел по бесконечному коридору к своему кабинету. Навстречу новому трудовому дню, обещающему стать незабываемым по изобилию паршивых новостей, гнусных сюрпризов и прочих пакостей судьбы-злодейки. Предчувствия эльфа-следователя никогда не обманывали.

Нормально дышать в кабинете Эрина мог только он сам. От пропитавшего стены запаха табака не помогали ни раскрытое настежь окно, ни специальный освежитель воздуха. В бесмертных легких смолы не оседали, а смертельной дозы никотина, теоретически необходимой для эльфа, хватило бы на целый эскадрон лошадей. Не пользоваться естественным преимуществом перед остальными расами было бы глупо, верно?

Эрин успел лишь шлепнуться в кресло и сделать пару глубоких затяжек «Ородруин-слимс», прежде чем судьба настигла его. И то, что у судьбы сегодня было перекошенное от злости, пунцовое лицо Ытхана и выпученные глаза, эльфа ничуть не удивило. Начальство практически всегда пребывало в состоянии праведного гнева и метало грома и молнии. Работа у него такая – метать. Гораздо хуже было то, что под мышкой у товарища Ытхана Нахыровича находилась клетка, а в клетке сидел большущий белый петух породы леггорн.

– Тебя порадовать? – прошипел орк, водружая клетку с птицей поверх горы бумажных папок и скоросшивателей. – Узнаешь старого знакомого?

Мысленно Эрин выругался так, что у самого уши покраснели до самых кончиков.

– Я распорядился посадить Горбатого в одиночку, – уныло огрызнулся следователь. – В письменном виде, между прочим.

– Тогда как он попал в общую камеру?! Почему не проследил? Еще одно дело завалил! – разорвался Ытхан, срывая на относительно спокойном и невозмутимом эльфе свою бессильную злость.

– Я проследил, а толку? Мне что надо было Горбатого до утра стеречь?! У своих орлов спросите, кто его среди ночи вытащил из одиночки, – попытался вяло защищаться Эрин. – Хотя теперь уже поздно.

Он не стал вдаваться в подробности. У Ытхана Нахыровича имелись не только хорошо развитые легкие и крепкие голосовые связки, но и мозги. Причем не самые последние в НЧЧК. «Крысу» наверняка уже вычислили и обратили. Ну что же одним подопытным животным в

¹ НЧЧК – НеЧеловеческая Чрезвычайная Комиссия по борьбе с нежитью и мажеством

виварии Естественного Университета больше. Охранник прекрасно знал, чем рисковал, когда шел на преступление.

– Драконы всех раздери! Сто балрогов в задницу! – бушевал орк. – Без показаний Горбатого дело развалится в три счета. А мы с тобой пойдем под суд, Эринрандир ап-Телемнар, запомни это! Но ты, остроухий умник, отделаешься только нашивкой на погонах, а меня могут и снять!

С этими словами начальство выскочило прочь из кабинета, оставив клетку с петухом на столе в качестве живого укора.

Под суд не под суд, а опущение Горбатого не только спутало все планы следствия, или хуже того, испортило показатели раскрываемости, но и было чревато очередными гонениями на самого Эрина. За провал по головке не погладят. Единственный в области ворлок-реконструктор вернется из командировки только через неделю. За это время злонамеренно превращенный в петуха маг-рецидивист по кличке Горбатый окончательно утратит человеческий разум. Попробуйте-ка сохранить свою личность в петушином теле. Так что остаток дней своих Горбатый проведет в лечебнице для душевномагических, по утрам оглашая палату радостным «ку-ка-ре-ку», поклевывая зерно и делая попытки топтать медицинский персонал женского пола. Кто-то четко спланировал акцию по устранению Горбатого. В этом Эрин даже не сомневался.

Эльф с грустью поглядел на озабоченно квохчущую птицу.

– Ты слишком много знал, да? Так надо было сразу колотиться, а не разыгрывать мне тут спектакль «Униженные и оскорбленные». А теперь уж поздно.

Делать было нечего, пришлось нести петуха в курятник – самое дурнопахнущее место во всем управлении в прямом смысле этого слова. Заведовал этой юдолью скорбей заслуженный отставник и меланхоличный философ – тролль Арнольд Полукарович Черных. Врожденная аллергия к куриному мясу и идейное вегетарианство сделало его идеальным кандидатом на данную должность, после того как его предшественник орочьей национальности не удержался и пустил одного из опущенных подследственных в суп.

– Утро доброе, Эринрандир, – печально приветствовал Арнольд эльфа. – Хотя и не для вас. Ай-ай-ай! Такое ЧП неприятное.

– Держите птицу, – буркнул в ответ Эрин и сунул троллю в руки клетку. – В карантине его пока подержите. Может сам сумеет совладать.

– Э-эх, – безнадежно махнул рукой Арнольд Полукарович. – Тщетны надежды. Сразу же видно – оприходовали его по полной программе. Скопом колдовали, сволочи. Я даже не знаю, есть ли смысл мучить живую тварь и обратно в человека возвращать.

О гуманизме Арнольда знали все энчечекисты, даже начальство, но вину ему это никто не ставил. Добросовестными работниками не разбрасываются. Но дослушивать жалостливый спич заведующего курятником Эрин не стал. Ему зверски хотелось курить. Да и выпить бы не помешало. Но это потом, после работы. В гордом одиночестве он постоял на лестничной площадке, выкурив в форточку одну за другой две сигареты подряд. Теперь вообще непонятно с какой стороны ему браться за дело, которое без показаний обретающегося ныне в виде петуха господина Горбатого окончательно развалится. Только он мог показать на заказчика убийства президента «ЭнтОбналБанка» господина Стоероса. Резонансное преступление удостоилось попадания во все выпуски новостей. Ну а как же иначе?! Далеко не каждый день в шикарное здание солидного банковского учреждения влетает парочка невменяемых зомбей, отрывает голыми руками голову президенту, хватает сейф из его кабинета и уносит в неизвестном направлении. Осмелевшая до крайности и неуловимая банда добила таки всенародной славы. После налета Большие Шишки с утра до вечера обрывали телефоны, требуя найти и покарать, а Эрина каждый день вызывали на ковер к руководству. Нельзя сказать, чтобы эльф не работал. Это ведь он поймал и прижал Горбатого. Это под его руководством был отловлен

один из исполнителей-зомби. И если бы многоопытный хитрый маг-рецидивист сам себя не перехитрил и не оказался в курятнике, то уже сегодня-завтра заказчик преступления оказался на скамье подсудимых.

«Ну, в конце концов, сошлют участковым в Змей-Горючевский район в деревню Гадюкино, – обреченно размышлял Эрин. – Буду сельских леших к порядку приучать и следить за моральным обликом русалок. Падать – так на самое дно»

Кое-как собравшись духом, эльф решил вернуться на рабочее место, чтобы разобраться, наконец, завалы на столе. Но по дороге его снова окликнул Ытхан:

– Эрин! Иди-ка сюда! У меня для тебя сюрприз.

Всем и каждому известно, что сюрпризы от орка-начальника бывают только одного качества – поганые. Предчувствия эльфа снова не обманули.

* * *

Не хвали день до вечера, грифона до посадки, а мужа – до погребальной ладьи. Это мамочкина любимая поговорка. А мамочка у меня, чтоб сразу понятно было, гвардии капитан Отдельного Дракобойного Грифоньего полка ВВС Ее Владычества. Эскадрилья «Вингилот», слышали? Недавно еще про них кино сняли, так мамуля всерьез собралась поднять своего Глау в воздух и снести киностудию к Вражьей бабушке. Хорошо, папуля из командировки вовремя вернулся, отговорил. У мамочки за прицельное бомбометание Золотое Крыло еще со Второй Пиндостанской, так что от режиссера, наверное, и ушей бы не осталось. Я уж молчу о сценаристе... мда-а... Ну, сейчас мамуля, зелен тис, в отставке, однако же, летает регулярно. Звено воздушных каскадеров «Валькирия». Что, ни разу не видели? Будете в Столице, посмотрите обязательно! Шоу в Лоризн-парке каждое воскресенье, детям, военным и представителям расменьшинств – вход свободный.

Так, о чем это я? А! Ну да, вспомнила. Мамулина поговорка не оправдалась. День с утра начался паршиво.

Во-первых, поезд. Вот чтоб я еще раз в жизни взяла билеты на этот хваленый «Гном-Экспресс»! Тоже мне, фирменный! Спальный вагон! Раздельные купе! Ну да, раздельные! А вы хоть раз в одном купе с баньши ездили? Она ночью как взывала, так у меня ушки и свернулись трубочкой, до сих пор не разверну никак. Углем воняет, и кофе в вагоне-ресторане варила хоббитянка. А где вы видели, чтоб хоббитянки правильно варили кофе? Настоящий кофе только орки варить умеют. Вот у нас в Столице... а, впрочем, где Столица и где теперь я? Эх, лучше и не вспоминать!

Во-вторых, погода. Когда я выбралась на перрон, волоча за собой сумку (мамочка такие называет «мечта оккупанта») и поддерживая лямку старого папиного рюкзака (папуля его «мечтой диверсанта» зовет), то сразу же пожалела, что не родилась кикиморой. Согласитесь, странное желание для приличной девушки из хорошей эльфийской семьи! Но если буквально через пару минут пребывания на открытом воздухе ваш новенький плащик модного оттенка «увядающий мэллорн» превращается в половую тряпку, а замшевые ботинки в тон плащу оставляют один из каблучков в первой же луже... Про прическу я молчу!

Но и на этом несчастья мои не кончились. Кое-как доковыляв до козырька при выходе из вокзала, я полезла в карман за сигаретами и обнаружила, что пачка безнадежно промокла. Нет, как приличная эльфийская дева, я, конечно, не курю... то есть, не курю дома. Но сейчас-то я уже не дома! Однако покупать сигареты прямо на вокзале я, естественно, не стала. Порылась по карманам еще, надеясь найти несуществующую заначку – и выронила мобильник. Разумеется,

в лужу. Не самый навороченный, но довольно приятный «Палантир-716F» обиженно пискнул и погас.

Все. Это была последняя капля. Я стояла на вокзальной площади незнакомого города, промокая и злая, без сигарет и без связи, и дождь стекал с моих традиционных косичек прямо за шиворот. Оставалось либо развернуться и ехать обратно, тихонько подвывая по дороге: «Мама, я хочу домой!» – или стиснуть зубы и идти вперед, по примеру доблестных предков! Я шмыгнула носом и решительно зашагала в неизвестность. Для начала, на остановку такси.

Забавно, но машина оказалось неплохой, а вот таксист доверия не внушал. Не люблю я, когда мне начинают подмигивать всякие... ой, судя по физиономии, это же иномирнянин! Я слышала, конечно, да и в газетах читала тоже, что большинство попадальцев оседают или в бандах, или на рынках, или же промышляют извозом, но вот так сразу наткнуться на одного из «этих» не ожидала, право. А с другой стороны, куда еще беднягам податься? Не на стройки же! На самом деле, многие сочувствуют несчастным, волей судеб покинувшим свой привычный мир и оказавшимся у нас. Попадая сюда, поначалу они все уверены в своей избранности, и разум далеко не каждого из них способен выдержать столкновение с жестокой реальностью. Наибольшее сочувствие, конечно, вызывают молоденькие девушки – среди пришельцев их почему-то большинство.

– Куда едем, красавица? – иномирнянин подмигнул мне снова.

– Городское Управление НЧЧК.

Нечасто мне удается совместить мамочкин ледяной взгляд и папулин «особый» голос, а тут получилось! С первого раза! Наверное, все дело в практике. Вот потренируюсь еще – и научусь!

Пока машина везла меня сквозь дождь и мокрый снег к штаб-квартире грозного ведомства, оптимизм мой таял подобно утреннему туману. Сколько раз я надеялась, что вот теперь, ну вот сейчас у меня все, наконец-то, получится, как надо! Сколько разочарований пережила я – и мои несчастные родители! Магическая Академия, из которой я с треском вылетела после первой же сессии. Летное училище, куда пыталась пристроить меня мамуля, пользуясь старыми связями. Увы, никакие заслуги и регалии мамочки не перекрыли моей боязни высоты. Разведшкола, куда я не прошла даже по протекции папиного шефа. Алхимическое училище... хм-м... да, я туда поступила и даже проучилась какое-то время. До первой лабораторной. Выплатив все штрафы и возместив ремонт, родители подождали полгода и попробовали Военно-Инженерное... Само собой, фортификатор из меня мог получиться такой же, как и ветеринар. С Ветеринарной Академией я, кстати, тоже пролетела. Учитывая эльфийское долголетие, список учебных заведений грозил разрастись до размеров нашей семейной летописи. Наконец, приложив поистине неэльфийские усилия, папочка пристроил меня на факультет мыслечтения и графомагии при Военной Академии. И – о, чудо! – хотя бы графомаг из меня, в итоге, получился. Средней паршивости, как выразилась моя мамочка, уныло рассматривая мой пестреющий тройками диплом. «Могло быть и хуже», – утешал ее папочка, со вздохом привинчивая к отвороту моего пиджачка значок выпускницы. Медный, конечно.

Родителям оставалось сделать последнее усилие – и найти для меня место службы, где я не смогла бы опозорить семью сразу и окончательно. Разумеется, о Столице мечтать не приходилось – с таким-то дипломом! Но тут мне «повезло». У нас остановился старый папин фронтовой друг – дядя Ытхан. Он был в Столице в командировке и гостил у нас несколько дней. В последний вечер папуля все-таки умудрился напоить своего бывшего однополчанина так, что тот посмотрел на мою унылую физиономию, махнул рукой и заявил: «Ладно, уболтал! Пушай приезжает. Пристрою как-нибудь, не дам пропасть девке. Глядишь, и научится чему». На том и порешили. Дядя Ытхан уехал, через полмесяца я отгуляла свой долгожданный выпускной

и спустя три дня уже тряслась в поезде, летя навстречу сомнительному будущему провинциального графомага...

* * *

Наверное, только зловещая музыка увертюры к сцене «Падение Навзничь Недремлющего Ока» в полной мере могла отразить душевное состояние Эрина, в тот миг, когда его взгляд устремился на девуцу, расположившуюся в кабинете Ытхана. Раскрасневшийся от холода носик, перепуганный взор лани, гибнущей от браконьерской руки, и блестящий значок новоиспеченного графомага. Вот она – вишенка, венчающая несъедобный торт сегоднешнего дня, сразу догадался эльф. Не надо быть ясновидцем, чтобы угадать в девчонке практикантку-неудачницу. Ибо назвать везучей барышню, отправленную на работу в провинциальную НЧЧК, нельзя по определению. Удачливые девушки в столицах сидят в аналитических центрах, попивают кофеи и малопродуктивно кладают наманикюренными пальчиками по клавиатуре карамельно-розового цвета. А уж, какие зарплаты при этом получают... Эрин нахмурился. Противнее всего, то, что он внезапно почувствовал себя героем низкобюджетного пиндостанского боевика про опытного полицейского и навязанного ему против воли новичка. По закону жанра ветеран должен вести асоциальный образ жизни и всячески сопротивляться любой попытке начальства дать ему напарника. Тем паче, напарницу. Нельзя сказать, чтобы Эрин ощутил прилив энтузиазма при виде практикантки, но и соответствовать классической роли асоциального типа он тоже не хотел.

– Знакомься, любезный друг мой Эринрандир! – не пытаюсь даже скрыть злорадные нотки, прощепетал Ытхан Нахырович, делая щедрый жест в направлении девушки. – Дочь моего боевого товарища – дипломированный графомаг и мыслетец Нолвэндэ Анарилотиони. Прошу любить и жаловать. Отныне наш скромный коллектив украсит сия дивная роза.

На розу дипломированный графомаг не тянула совершенно, тем более на дивную. Скорее уж на мокрую помойную кошку, если не отступать от реалистичности образа. Но Эрин дипломатично промолчал. Не хотелось ему радовать начальство громогласным возмущением, которого от него ждал подлый орк Ытхан. Еще бы! «Любезным другом» он обзывался исключительно в тех случаях, когда хотел уесть собеседника до самых печенок. Надо признать, что сейчас у Ытхана Нахыровича все получилось. Достал, так достал. Единственное, чем мог достойно ответить Эрин, было напускное спокойствие и чисто эльфийское хладнокровие, с которыми он принял посланное судьбой и непосредственным руководством испытание.

– Рад познакомиться, – как ни в чем ни бывало, молвил Эрин, без капли смущения разглядывая Нолвэндэ с головы до ног. – Уверен, вам у нас понравится.

И многозначительно улыбнулся Ытхану. Мол, не зря эльфийская злопамятность вошла в народные присказки и поговорки. Еще сочтемся уголками, «любезный друг».

«Не так уж все и плохо, – утешал себя эльф. – Для начала она мне переберет и рассортирует все папки, а потом еще что-нибудь нудное и безопасное придумаем». Нудной и однообразной работы в НЧЧК хватало абсолютно всем. Горы протоколов, девятые валы объяснительных и докладных записок, отчетов и расшифровок оставались вечной мукой всех энчечекистов. И если вдруг находились плечи, на которые можно переложить такую обузу, то оставалось только тихо возрадоваться.

– Ты печатать на компьютере умеешь? – спросил он у понуро бредущей следом девушки.

– Конечно.

– Отлично!

«Это же просто праздник какой-то!» – возликовал Эрин, уже воображая себе, как вывалит на Нолвэндэ всю самую скучную и ненавистную работенку, а сам наконец-то займется делом. Для начала просто подумает, пошевелит извилинами и хоть как-то попытается воспользоваться по назначению органом, расположенным между ушами. Нет, не носом. Мозгом. Бесконечные совещания, бумажная рутина, и с юности ненавидимая Эринрандиром общественная нагрузка отнимали практически все время, не оставляя времени как следует поразмыслить.

* * *

Высадившись у парадной моего будущего места работы, я с любопытством оглядела местный «желтый дом». Как и предупреждал меня папуля, любое принадлежащее НЧЧК здание можно узнать сразу по основному признаку: фасад его всегда выкрашен в канареечно-желтый веселенький цвет. Папа объяснял, что сперва так получалось случайно, но с течением лет стало традицией. А к традициям мы относимся ревниво.

Региональное Управление грозного ведомства возвышалось над окружающим пейзажем подобно неприступному утесу. Подозрительно щурились бойницы окон, забранные мифрильными решетками, хлопал слегка обвисший под дождем государственный флаг над фронтоном, словно молчаливые бессменные стражи, хмурились статуи, держащие на плечах ложный портик. Но более всего воображение поражала дверь: двустворчатое мифрильное чудовище высотой с горного тролля. Такое ощущение, что архитектор планировал, что здесь будут держать осаду не год, и даже не два, а все десять лет. Чеканную эмблему на двери венчала лента с жизнеутраченной надписью: «Стучи, друг, и входи».

Я чихнула, вскарабкалась по ступенькам крыльца, покосилась на статуи, полюбовалась на надпись – и решила последовать инструкции, столь любезно вывешенной на входе. А именно – постучала. Как оказалось, зря. Из приоткрывшегося в двери смотрового окошка на меня уставилась жутко недовольная орочья физиономия.

– Пропуск! – буркнул дежурный.

– Э-э-э... я... у меня еще нет... Я из Столицы, по распределению. Вот, – лихорадочно роюсь в кармане плаща, я торопливо лепетала все это, опасаясь, что охраннику надоест ждать, – нашла! Пожалуйста.

Я попыталась впихнуть всю пачку своих документов прямо в окошко, но орк-дежурный фыркнул и захлопнул его. Правда, мгновением спустя в мифрильно-чеканном монолите двери открылась дверца поменьше.

– Проходите.

– Спасибо, – я шмыгнула носом и втащила себя и свои сумки в нутро Управления. Прозрачную папку с документами я продолжала держать в руке, словно белый флаг парламентаря.

– В следующий раз не надо стучать, – ухмыльнулся орк, – там справа звонок есть вообще-то.

– А-а...

– Давайте бумаги. А, к особистам? Подождите здесь.

Дежурный принялся звонить по местному, а я – тарашиться по сторонам. Внутри обители энчечекистов оказалось далеко не таким внушительным, как снаружи. Контора как контора, каких десятки тысяч по всей стране. Единственная специфическая деталь – на доске объявлений напротив дежурки теснились листочки типа «Разыскивается...», несколько инструкций и явно самодельная стенгазета. Заинтересовавшись, я подошла поближе. В глаза бросилась картинка: сотрудник в форменном кителе, то ли тролль, то ли орк, самозабвенно

треплющийся по телефону, на фоне кирпичной стены, из которой торчат узнаваемо эльфийские уши. Надпись под картинкой предупреждала:

– Сотрудник, будь бдителен! Уши
Сегодня из стенок торчат.
И ты не зевай, а послушай
Чего за стеной говорят!

Стихотворный опус был подписан: «Неуловимый Хо». Я недоуменно пробежала глазами стишок еще раз. Они это серьезно?! Чутье графомага подтвердило: «Серьезно! Более чем».

Рядышком примостилась еще одна картинка, на сей раз с двумя жизнеутверждающими лозунгами: «Позор трупоедам!» и «Вегетарианство – первый шаг к долголетию!». Понуро скорчившийся на больничной койке зеленокожий некто (видимо, любитель мяса) и жизнерадостное трио – эльф, орк и морковка – иллюстрировали лозунги.

Чем дальше, тем больше отвисала моя челюсть. Но окончательно добил меня третий рисунок: улыбающийся гном с огромным ручным пулеметом, эльф с неприлично торчащей на уровне ремня снайперкой и орк с гранатометом, увенчанные двустушием:

– Оружье любит ласку,
Чистоту и смазку!

Кошмар! Куда я попала?!

– К особистам – по лестнице на третий этаж, потом направо, – отвлек меня дежурный. – Кабинет Ытхана Нахыровича в конце коридора, не ошибетесь. Вот, ваш временный пропуск. Это на неделю, пока не оформят постоянный.

– Спасибо! – я подхватила сумки и двинулась к лестнице.

– Леди! – окрикнул меня охранник. – Еще одно. На будущее – сотрудники через парадный вход не ходят. Если вам не покажут служебный подъезд, обратитесь ко мне или к сменщику, мы проводим.

Еще раз благодарно кивнув, я целенаправленно потопала по указанному адресу, не отвлекаясь более на плакаты и лозунги, в стихах и в прозе.

– Здравсьте, дядя Ытхан! – зацепившись сумкой за косяк, в кабинет будущего начальства я практически влетела, чудом избежав столкновения с орочьим животом.

– Ну, с приездом, эльфенок, – папин боевой товарищ успел меня поймать и вернуть в вертикальное положение. – Зачем сразу-то на колени падать, а?

– И-и-звините...

– Ничего-ничего! Присаживайся. Как добралась?

– Нормально, – я плюхнулась на диванчик. – Вот только с утра под дождь попала.

– Привыкай, у нас тут солнечных дней – от силы пара десятков на год. Ну, молодец, что все-таки к нам. Мать, вроде, тебя в лейб-кавалерию хотела пристроить?

Хотела, а как же. С лейб-кавалерией, вкусной во всех отношениях, вышел только один казус – гарцевать предполагалось на единорогах. А с единорогами... хм... не сложилось бы у меня с ними. Никак.

– Н-ну-у... – я потупила взор: – Там возникли проблемы. С единорогами.

– Хе! – орк хлопнул себя по ляжкам. – Вся в маменьку!

– Угу.

– Не переживай, у нас тут единорогов нету. Бумажки твои где?

– Вот, – я выложила многострадальную папку на стол.

– Та-ак... диплом... выписка... Ну, с этим к кадровичке, хотя погоди. Сам проведу. Приказ на тебя я уже подготовил. Кадровичка у нас кикимора, так что не удивляйся. Завтра с утра сходишь и все оформишь. Потом в техотдел зайдешь, получишь табельное... Ты хоть стрелять-то умеешь, графомагиня?

– Да... папа натаскал.

– Уже хорошо. Так, форму тоже завтра получишь. Чего там еще? А! Жилье! Таких чертогов, как ваша усадебка, конечно, не предлагаю, но квартирка найдется. Держи ордер и ключи.

– Ново-Форменовка, Арсенальная, двенадцать, квартира два, – прочитала я адрес на бланке. – Это где?

– Отличный зеленый райончик! – орк подмигнул. – В самый раз для эльфей. Все, как вы любите – травка там всякая, кустики, птички-цветочки. Всего полтора часа пешком – и ты на работе.

– Спасибо, дядя Ытхан! – я спохватилась и полезла в недра сумки. – Совсем забыла! Пока вы меня официально не приняли еще... вот! Это от папы.

– «Черная Крепость!» – умиленно воскликнул Ытхан, принимая полуторалитровую бутылку бережно, словно младенца. – Ну, эльф, чертяка! Порадовал так порадовал!

– А это от мамули, – полосатая лыжная шапочка с ушками и пушистым помпоном на макушке веселенькой черно-красной расцветки обрела нового хозяина.

Единственное домашнее занятие, за которое можно засадить мою летучую мамочку это – вязание. Вяжет она все, от грелки на чайник до грифоньей попоны. Результатами мамулиной деятельности моя сумка была забита доверху. Свитера, носки, шапки и шарфики, притом большая их часть – совсем не моего размера. Либо мулик подбирала шмотки с дальним прицелом, либо просто сгребла из шкафа все, что под руку попало, причем второе вероятней. Ну что ж, зато не буду заморачиваться на подарки коллегам! Ближайшие пару лет – точно.

– Ну, вроде все. Посиди тут минутку, пойду, твоего будущего напарника-наставника отловлю. Он тоже эльф, кстати. Надеюсь, споетесь. Только, Нол, ты меня при посторонних «дядей» не называй, ладно?

– Конечно!

Те несколько минут, что я ожидала возвращения шефа, были посвящены некоторым мечтаниям и предположениям о личности моего будущего напарника и наставника. Хорошо, что он из моих сородичей! Есть вещи, которые представитель иной расы попросту не поймет, как не объясняй. Похоже, мне наконец-то начинает везти! А мог бы и орк попасться, не в обиду дяде Ытхану будь сказано, или, того чище, гном! Зелен тис, даже с горным троллем или баньши можно найти общий язык, но с родичами, все-таки, как-то попроще...

Но все предположения мигом вылетели у меня из головы, едва лишь я увидела, кого судьба послала мне в напарники. Не может быть! Я ошибаюсь, наверное, или просто похож... Нет. Точно! Лет пять назад это лицо регулярно смотрело с главных страниц всех мало-мальски серьезных столичных газет. Эринрандир ап-Телемнар, кавалер Золотого Клинка и Вечерней Звезды трех степеней, лучший столичный сыщик всех эпох, знаменитый контрразведчик, «рыцарь плаща и кинжала», посвященный в рыцари лично Ее Владычеством... Его карьера была стремительна и блестяща. Десятки громких дел, два раскрытых заговора – головокружительный взлет! И еще более быстрое и головокружительное падение. Печально знаменитое «мифриловое дело» сломало карьеру многим, даже министры тогда опасались за сохранность своих ушей, что уж говорить о простом сыщике, за спиной которого не стояло ни влиятельного Дома, ни богатства? Спустя каких-то полгода правда выплыла, и полетели погоны и головы, но в разгар скандала никто и помыслить не мог, что Неподкупного попросту подставили. Он

копнул слишком глубоко, и в награду получил позор, опалу и забвение, лишь чудом избежав трибунала. Впрочем, когда все выяснилось, честь его была восстановлена и все регалии возвращены, но на тот момент Эринрандир ап-Телемнар уже бесследно исчез из Столицы. И больше не возвращался...

Так вот где прячется живая легенда! И я – я! – буду у него учиться! Ура! Что там нужно делать, бумажки перебирать? Да, пожалуйста! Сколько угодно! А еще я могу кофе варить и тапочки приносить тоже, если понадобится!

Но, может, все-таки обозналась?! Да нет, точно он. Мало того, что очень редко встретишь двух эльфов с одинаковыми именами, еще и внешность совпадает полностью. Высокий, глаза синие, с прищуром, над левой бровью небольшой шрам. Волосы черные, неровно и коротко стриженные... Я осознала, что пялюсь во все глаза на это легендарное чудо, а мыслю при этом какими-то ориентировками! Все-таки годы в Академии не прошли даром, канцелярщина въелась в плоть, кровь и мозг. Такой... сам... живьем!!! Ах-х...

Соболиная бровь аристократически выгнулась, губы тронула любезная улыбка.

Я печально понурилась. Я же все-таки графомаг-мыслечтец, пусть не самый лучший, но все же... Фальшь я чувствую.

Ну и ладно! Ну и пусть! Зато я буду с ним работать и у него учиться! Пожалуй, это был первый раз, когда я поняла, что по-настоящему хочу заниматься своей профессией. Уже кое-что, не правда ли?

В общем, по коридору вслед за легендарным сыщиком я топала вполне уверенно, пытаюсь замаскировать щенячий восторг нарочито-унылой физиономией. Авось сразу не раскусит.

* * *

Однако же, не судилось сбыться скромным планам следователя. Едва Эрин пристроил свою подопечную к папкам и бумажкам, как омерзительно резко зазвонил внутренний телефон:

– Эрин, детка, не хочешь зайти в гости? – ласково поинтересовался Роин сын Норина. – Я тебе такое покажу...

Зрелища, которыми изредка баловал соратников штатный патологоанатом, были предназначены для существ с очень крепкими нервами и желудком. И вовсе не из вредности характера, нет. Гном искренне и самозабвенно любил свою работу, и, будь она менее специфической, обязательно брал бы её на дом. При этом Роин так же честно не понимал, как можно не восхищаться тончайшими оттенками и изысканной формой циррозной печени или снежно-голубоватым блеском надкостницы. Особенно уважал достойный гном процесс эксгумации и неизменно пытался заманить на повторное вскрытие многолетнего покойника зрителя, способного разделить его профессиональный восторг. Брезгливых и впечатлительных Роин презирал, считая недостойными почетной службы в НЧЧК и сопровождаемой её высокой зарплатой. Эрин же входил в то небольшое число стойких и уважаемых, только потому, что был эльфом и умел хорошо скрывать истинные эмоции и чувства. Хотя и его иногда мутило при виде Роиновых подопечных, особенно тех, которые прежде чем попасть на стол к патологоанатому, провели зиму в лесу присыпанные снегом.

– Сейчас приду, – заверил гнома Эринрандир, и уже было собрался выполнить обещание, как его окликнула Нолвэндэ:

– А можно мне с вами?

– Я к патологоанатому на вскрытие, – честно пояснил эльф.

– А я не боюсь трупов, – заверила его ясноглазая напарница.

– Да?

С одной стороны, Нолвэндэ ему еще не успела сделать ничего плохого, а с другой стороны... может быть, и в самом деле барышня окажется достаточно стойкой к натюрмортам Роина. Хотя вряд ли. На всякий случай, Эрин незаметно прихватил с собой флакончик нашатырного спирта.

– Ну, пошли.

Мертвецкая располагалась в глубоком подвале, таком мрачном, что даже у сильных духом и телом гоблинов помимо воли тряслись колени и потели ладошки. Узкий, скупо освещенный зловещего вида мутно-зелеными лампочками, коридор вел напрямик к массивной железной двери, крепко запертой изнутри на три засова. Справа от створки красовалась ярко-оранжевая кнопка звонка размером с кофейное блюдце. Эрин со всей силы надавил на неё и не отпускал, пока дверь не открыли. Он знал, что Роин любит слушать в наушниках музыку и медленно реагирует на вызов, увлеченно ковыряясь в чьих-то внутренностях. Счастливый, как ребенок, получивший ко дню рождения игрушечную модель кузнечного цеха, гном распахнул дверь настежь. Он насвистывал арию Саурана из классической оперы «Феанор-суперстар», радостно потирал руки в резиновых перчатках, не обращая внимания на забрызганный черной кровью длинный фартук. Для удобства в работе он заплет жесткие рыжие волосы в две косы, торчавшие над ушами как рога боевого гномьего шлема. И никто на свете не сумел до сих пор переубедить Роина в том, что с такой прической он выглядит крайне комично.

И без того сияющий взор Роина обрел небывалую яркость при виде юной эльфийки. Дамы не часто баловали патологоанатома своим вниманием прямо на рабочем месте. Откровенно говоря, их можно было понять.

– Здравствуйте, милая барышня! Как я рад вас лицезреть! – рассыпался в любезностях радушный хозяин анатомички. – Такая честь! Такая честь!

– Её зовут Нолвэндэ, – поправил Эрин. – Моя практикантка.

– Изумительное имя! Как повезло Эрину! – продолжал щебетать Роин, между тем переходя непосредственно к делу. – Позвольте представить вам моего очаровательного подопечного – господина Бе-Бе.

Лежащий на столе зомби со вскрытой грудной клеткой и брюшной полостью зашелся в идиотическом смехе и попытался помахать рукой в знак приветствия. При этом у него отвалились указательный и безымянный пальцы, а средний остался на месте, от чего жест живого мертвеца превратился из пугающего в откровенно непристойный.

– А ну перестань баловаться! – по-отечески строго предупредил гном, пригрозив пальцем нектати развеселившемуся зомби. – Ай-ай-ай, как нехорошо ты себя ведешь.

– Бе-бе-бе! – весело передразнил патологоанатома вскрываемый.

Его потому и называли даже в официальных документах «господином Бе-Бе», потому что ничего более определенного о личности несчастного установить пока не удалось.

– Не обращайтесь внимания, леди Нолвэндэ, скоро он окончательно затихнет, заклинания осталось совсем чуть-чуть, – уверял девушку жизнерадостный гном. – Будет смиренный, как и подобает покойнику.

– Показывай, что хотел, – напомнил Эрин.

Утешало одно – что позавтракать он сегодня не успел. Господин Бе-Бе своим видом отнюдь не радовал взгляд и помещение не ароматизировал.

* * *

Хотите, я раскрою самый страшный секрет нашей семьи, вернее, мужской ее части, а? Точно хотите? Уверены? А все равно раскрою! Так вот, начать придется издалека, точнее, издавна. Однажды, давным-давно, когда меня еще и на свете не было, громыхала и полыхала Вторая Пиндостанская война. И как-то раз звено отважных грифонолетчиц было отправлено на выручку группе спецназа, попавшей в окружение. Ну, прилетели, отбомбились и начали эвакуацию. А вы представляете себе, вообще-то, что такое грифон? Грифон – это, по сути, здоровенный кот с крыльями. Чем пахнет кот? Правильно! Кот пахнет котом, или, как метко выражается мой папуля, кошатиной. Притом сила и... м-м-м... густота запаха пропорциональна размеру грифона. Мамин грифон был просто ну очень большой. А папу с детства выворачивало от кошачьих ароматов... Но все-таки, когда отважная Аэриэн лихо погрузила раненого эльфа-снайпера на «борт» своего летуна, он оказался единственным из всего отряда, кто, извиняюсь, не блевал всю дорогу до базы, несмотря на то, что висел почти что вниз головой. На прекрасную летунью это обстоятельство произвело прямо-таки сокрушительное впечатление... А теперь – внимание, секрет! Семена горчатки. Невзрачная такая огородная травка, сорняк. Обоняние отбивает начисто. И вообще... успокаивает. Собственно, меня потому из Академии и не выгнали, что на обязательных экскурсиях в анатомический театр я выказывала истинно эльфийскую выдержку и хладнокровие, несказанно удивляя преподавателей. А все папуля! Не расскажи он мне об этом чудодейственном средстве, засыпалась бы точно. А так ничего, и монстриков всяких мутировавших препарировала с каменным лицом, и в мертвецкой не блевала ни разу. От укачивания травка эта тоже очень помогает. В обязательные семейные вылеты на грифонах (мамочка у меня – энтузиастка и пропагандистка здорового образа жизни и экстремального отдыха) мы с папулей втихую эти самые волшебные семена жевали целыми горстями. Так что к походу в морг я была готова если не морально, то хотя бы физически. Опорозиться пред синими очами легендарного Эринрандира? Никогда! Пара щепоток горчатки, тайком съеденных во время пути по коридорам Управления – и знаменитое эльфийское хладнокровие налицо. И на ароматы препарированного зомби мне было теперь наплевать. Выглядел он, правда... Но ничего! То, что я на личико слегка позеленела... так это у них тут лампы такие!

Где-то через час-полтора начнется обратная реакция, и моя теперешняя невозмутимость выйдет мне боком, но это будет через час. А пока – знай наших!

Едва удержавшись от торжествующего взгляда в сторону наставника, я изобразила на лице этакое серьезно-внимающее выражение и с умным видом принялась кивать в такт речам колоритного гнома-анатома. В судебной медицине я разбираюсь так же хорошо, как и в устройстве крылатой ракеты, но изображать восторженное внимание мне это не мешало нисколько. Главное, не приглядываться к, так сказать, объекту исследования.

И вообще... Зомби, зомби... Вот за мамиными грифонами лотки выгребать, особенно ближе к марту, когда у них пора любви начинается – это да-а! После такого никакие вскрытия не страшны. И даже вой восставшего мертвеца полнолуной порою не идет ни в какое сравнение с мартовскими воплями мамулиных крылатых котов.

* * *

Из объяснений доброго доктора Роина сына Норина следовало, что будучи живым господин Бе-бе вел сидячий образ жизни, мало времени проводил на свежем воздухе, регулярно употреблял алкогольные напитки и неправильно питался. То есть веселый зомби – убийца президента банка работал обычным офисным клерком. В последнее время среди рас-меньшинств это было модно и даже престижно. Высокое Руководство решило явить обществу образчик современной толерантности, позволив людям даже занимать руководящие должности в част-

ных фирмах. К счастью, на госструктуры эти нововведения не распространялись, к вящей радости всех его сотрудников от эльфов до кикимор, от кабинетных шишек до скромных уборщиц.

Кстати, убиенный господин Стоерос возлежал на соседнем столике, и препарируемый зомби все время пытался выказать ему некоторые знаки внимания: свистел, улюлюкал и глупо хихикал. Отсутствие головы у мертвеца бывшего клерка совершенно не смущало.

– А в желудке у нашего общего друга я обнаружил вот что! Человеческие, женские, – радостно воскликнул гном и повертел у Эрина перед носом баночкой с прозрачной жидкостью, в которой плавал пучок ярко-рыжих длинных волос. – И это еще не всё.

Пред ясные синие очи эльфа-следователя был представлен некий странный предмет – черный кусочек то ли кожи, то ли ткани с несколькими металлическими крючочками в два ряда.

– Это что такое? – меланхолично полюбопытствовал Эрин.

Гном изобразил розовощекой физиономией глупую гримасу, которую он по неведомой причине считал признаком смущения.

– Гм... часть дамского туалета... не при леди Нолвэндэ будет сказано...

Эринрандир несказанно удивился. Кто бы мог подумать, что Роин такой пуританин. Застеснялся прямо как подгорная девственница.

– Какая еще часть?

– Ну... хм... эта... застежка... – патологоанатом попытался допрыгнуть до эльфьего заостренного уха и громогласным шепотом прогудел: – От лифчика... пardon, бюстгалтера.

– Это меняет дело. Уверен?! – хмыкнул следователь и требовательно поглядел на стажерку. – Нолвэндэ, ты лифчик носишь?

– Ношу, – пролепетала девица.

– Погляди внимательнее – это точно застежка от бюстгалтера?

Графомагиня осторожно покосилась на предъявленное ей вещественное доказательство, сморщила носик и чихнула.

– Он самый.

– Возможно, милейший господин Бе-бе не так давно поужинал рыжей девицей, – сделал логичный вывод патологоанатом. – Хотя я могу и ошибаться. Отправлю на анализ содержимое желудка, тогда будем знать точно.

– Что и требовалось доказать. За-ме-ча-тель-но! – пропел Эринрандир и почти с нежностью поглядел... нет, не на юную эльфийку, а на кусок кожного лифчика.

Еще более трепетного и ласкового взора удостоилась прядь рыжих волос. Гному от щедрот эльфийской души досталось крепкое мужское рукопожатие, господину Бе-бе – хитрое подмигивание, а бедной девочке, стойко перенесшей все тяготы посещения мертвецкой – ни даже крошечной, одобрительной улыбочки и ни единого хорошего словечка ни на квенье, ни на синдарине, ни на гоблин-переводе, на худой конец. Таким вот подлым педагогическим приемом пользовался доблестный энчечекист Эринрандир ап-Телемнар, чтобы стимулировать в практикантах здоровое рвение и желание доказать свою профессиональную состоятельность.

Рыжая прядь и кусок одежды дали ему, наконец, новую ниточку для продолжения расследования. После холодного и невеселого утра прямо-таки до самых краев, как ведро с помоями, наполненного неприятностями, открытие патологоанатома сумело не только порадовать Эрина, но и подняло ему настроение.

– А не попить ли нам кофейка, леди Нолвэндэ? – почти игриво спросил он бледную и окончательно сникшую девушку. – Я пью без сахара. Тем более его все равно нет. Забыл купить.

Он громко-громко подумал: «Нол, приготовь кофе, пожалуйста! Ну, будь другом? – специально, чтобы графомагиня его услышала, и добавил тоже мысленно: – А я никому не скажу про горчатку, ага»

И подмигнул девушке синим, красивым до невозможности и бесстыжим глазом.

* * *

Ах, ты ж...

Слов банально не хватило. Ни в маминой квенье, ни в папулином синдарине не нашлось бы достойного эпитета для этого... Гада!

Так позорно засыпаться... Откуда он про горчатку-то узнал, а?! Я же тихонько жевала, деликатно так...

Еще пару мгновений мамин нолдорский темперамент боролся с папиным синдарским самоконтролем. Папины гены победили. Ура. И в самом деле, кто я такая, чтоб твякать на легендарного и прославленного... и моего непосредственного начальника, к тому же! Нет, уж чему-чему, а соблюдению субординации меня дома хорошо обучили. Если старший говорит «лягушка», начинаем квакать и прыгать! А вот переходить на мысле-речь так уж сразу, так уж запросто – это дурной тон. Это, знаете ли, невместно. Не настолько мы хорошо знакомы.

Ладно, чего уж там...

Пойду делать кофе. Тем более, что и мне не помешает... не поняла-а... А где кофе? Это – кофе?!

Чуть ежась под насмешливым взглядом прославленного и легендарного, я брезгливо понюхала содержимое местной жестянки и не выдержала, фыркнула и полезла в свою сумку. Плевать, что он там себе подумает! Готовить, а уж, тем более, пить эту бурду я не стану. Даже несчастный зомбик пах приятней!

Да-да, я прекрасно знаю, как это выглядит! Приехала тут этакая столичная штучка и с ходу начинает морщить носик и нудить: «Прови-и-инция-а...» Но кофе – это святое! Если уж у меня есть с собой пачка стопроцентной харадики (специальная обжарка, тонкий помол, для джезвы, хотя можно и в чашку заварить), так зачем же растворимым суррогатом травиться?

Вот в чашку я его и заварила, отметив для себя, что неплохо бы кофеварку сюда при-тащить. Бедняга, как он тут обитает? Ни кофеварки, ни плитки, даже чайника нет! Банка и кипятильник – это сурово...

– Угощайтесь, пожалуйста, – я церемонно поднесла начальству чашку и улыбнулась как можно милее.

И поставила такой сильный блок на мысле-речь, как только могла. Нечего тебе в моих мозгах делать, дорогой шеф.

Дорогой шеф неопределенно хмыкнул и уткнулся в чашку.

– Я видео на диск солью – или нельзя?

Начальство заинтересованно приподняло бровь.

– Видео?

– Ну да. Я писала вскрытие и фотографировала тоже. Качество, правда, телефонное... но, может быть, пригодится? Если мой шнурок к этой машине подойдет, конечно... – тут я засомневалась. Судя по возрасту местного компьютера, шнурок мог и не подойти. Сей агрегат, похоже, в прошлую Эпоху собрали.

Ну, ничего. Зря, что ли, мамочка мне свой ноутбук подарила? А я его перла сюда за столько лиг?

Нет-нет, вы только не подумайте, что я – супер-крутой специалист в области умной техники! Из Военно-Технического Университета им. Куруфинвэ Феанаро меня тоже выгнали! Со второго курса. Но ведь я же все-таки нолдэ по мамочкиной линии, так что любовь к железкам у меня, можно сказать, в крови.

Глава 2

Все-таки от стажеров, особенно поначалу, есть огромная польза. Они безропотно выполняют всю черную работу, стараются угодить и угощают всякими домашними разносолами и деликатесами.

Эрин с нескрываемым наслаждением цедил ароматнейший и **ОЧЕНЬ** дорогой кофе, вкус которого за давностью лет успел истереться даже в его эльфийской бездонной памяти.

Чашечка харадики да под сигаретку! Ух! Жизнь однозначно и стремительно налаживалась.

Пока что от леди Нолвэндэ исходили исключительно забота и внимание, как и от всех остальных предыдущих практикантов. Это потом они садятся на голову, свешивают ножки и никакого спасу от них нет.

Кстати, ножки у эльфийской девы, ну, те самые, которые со временем будут свисать с плеч Эринрандира (в переносном смысле, естественно) очень даже ничего – стройненькие, длинненькие и весьма соблазнительные, отметил про себя энчечекист. Прелестные ножки, на которые в течение следующего календарного месяца будет ходить любоваться все мужское население конторы, начиная от орков-дежурных, заканчивая бравыми гоблинами из внутренней службы безопасности. Еще примерно полгода в курилках будут вестись бурные обсуждения всех видимых и невидимых невооруженным взглядом достоинств Нолвэндэ, а так же делаться ставки на то, как скоро Эрин с ней переспит. Профессиональная этика требовала соблюдать субординацию в этом вопросе особо щепетильно. Непосредственному начальнику предоставлялось преимущественное право завести шашни с подчиненной. При обоюдном согласии, само собой. И так как с предыдущими практикантками спорщики обломались, то тотализатор будет работать с максимальной продолжительностью.

Эрин специально думал особенно громко, преследуя сразу несколько целей. Во-первых, по-эстетски насладиться нежнейшим розовым оттенком румянца смущения на щеках и ушках новенькой (эльф он романтичный или меркантильный до мозга костей хоббит, в конце концов?). Во-вторых, предупредить барышню насчет будущего, неизбежного как закат и рассвет, ибо работа в мужском коллективе имеет свои особенности. Чтобы потом не рыдала и не бегала жаловаться, когда услышит за спиной громоподобный троллий шепот: «Какая у цыпочки попка! Вах! Персик!» А в-третьих, чтобы знала, что пользоваться своим специфическим «преимуществом» Эринрандир не собирается. У него и более серьезных неприятностей по жизни хоть... ухом ешь.

– Спасибо, Нол, кофе был отличным, – похвалил девушку Эрин.

И тут обнаружилось, что, распивая кофеи и страдая бедную эльфиечку злобным призраком мужского сексизма, он не заметил, как снова выкурил три сигареты подряд, невольно устроив тотальное задымление служебного кабинета.

– Ох, прости! Я не подумал. Сейчас проветрим.

Пришлось открывать настежь окно и долго махать первыми подвернувшимися под руку папками, чтобы несчастная практикантка смогла отдышаться и откашляться.

– Какая толстая книга!

Не обратить внимание на огромный фолиант в кожаном переплете с полустершейся позолотой на корешке, которую пришлось переложить с подоконника на стол, чтобы открыть окно, было нельзя. Книга-монстр производила колоссальное впечатление на посетителей. Пудовый бумажный «кирпич» под названием «Операционная система Мандос ХР» даже издали внушал душевный трепет, и мало кто решался её открыть.

– А зачем она вам? – задала Нолвэндэ резонный и ожидаемый вопрос.

– Во время допроса зажимаю яйца подозреваемому, – усмехнулся Эрин с самым злое-щим видом. – Для облегчения процесса дознания.

На самом деле, у книженции имелась более прозаичная и менее романтическая функция – она заслоняла собой щель в раме окна, спасая хозяина кабинета от неприятных и совершенно бесполезных для здоровья сквозняков. Ну и еще, когда бюрократическая чиновничья машина доводила Эринрандира ап-Телемнара до припадка бешенства, «Мандос ХР» швыря-лась со всего маху на пол, отчего в кабинете у Ытхана Нахыровича, расположенного этажом ниже, с потолка сыпалась штукатурка и опасно качалась люстра. И тогда грозное начальство точно знало, что пора перестать закручивать гайки. И переставало.

– Иногда делать ЭТО дверью не очень удобно, – с еще более серьезным выражением на лице пояснил эльф-следователь.

Нолвэндэ поёжилась, но возможно, это было от холодного сырого воздуха наполнившего кабинет. Маленькая дрянь поставила весьма профессиональный мысле-блок, и вычислить её подлинные чувства было невозможно.

– Ну вот. Вроде бы дышать тебе будет легче. В следующий раз не жди, пока сработает противопожарная сигнализация, а сразу окно открывай. Ага? – заявил Эрин. – Повеселиться мы повеселились, а теперь займемся работой. Перечитай показания Горбатого и скажи мне, где он врал.

Он протянул девушке простой картонный скоросшиватель, а сам плюхнулся в кресло, открыл папку с названием КГ/АМ, написанным ядовито-зеленым маркером, и закурил.

* * *

Фу-у-ух! Кофе выпил! Понравилось! Вроде бы, подобрел даже...

Ура!

Я тихонько перевела дух. Все ясно, буду продолжать подлизываться. Такими темпами пакки хватят дня на четыре... Потом еще куплю. Хвала Единому, я не слишком стеснена в средствах. Нет, разумеется, тратить семейные деньги направо и налево я не собираюсь – слиш-ком хорошо мне известно, чего стоит родителям наше благосостояние. Но регулярно поить начальство хорошим кофе мне под силу. Папуля специально для этих целей мне счет открыл, «на чулочки», как он выразился. И на пирожные. Но белье я ношу аккуратно, а без пирожных как-нибудь обойдусь.

Курить как хочется...

Но стрелять у начальства сигареты, в первый же день на службе! Нет уж, я сильная, я стойкая, я перетерплю! У-у-у...

Я представила себе, как обращаюсь с подобной просьбой к мужчине... сородичу... начальнику! – и слегка покраснела. Нет-нет-нет, я приличная девушка из хорошей эльфий-ской семьи, я не опозорю своего рода. Mamочка предупредила меня насчет работы в мужском коллективе, так что я примерно представляю себе, что меня ожидает в ближайшие пару меся-цев, пока они тут не привыкнут. «Все мужики – сплетники», – напутствовала меня гвардии капитанша, игнорируя ухмылки папули и братцев: – «Нет, не надо так закатывать глазки, дитя мое! Всех, от денщика до фельдмаршала... не пихай меня в бок, любимый! Я знаю, что у них там другие звания! Это все равно! Так вот, они все будут пялиться на тебя и цокать тебе в спину, даже если ты замотаешься с ног до головы в покрывала, как пиндостанская орчанка, вычернишь зубы и начнешь косолапить. Через это все проходят. Далее. Сразу привыкай к тому, что если твой шеф – мужчина, окружающие непременно и наверняка запишут тебя в его любовницы. Все твои успехи и все твои неудачи будут видеть только в таком ключе. Пона-

чалу. Первый год, как минимум. И если ты начнешь оскорбляться, оправдываться, смущаться и, тем более, хныкать и жаловаться, жизни тебе не будет. Поняла? Доказывать, что помимо ножек и попки у тебя есть еще и голова, придется не год и не два. Перетерпишь, выдержишь – добьешься чего-то, нет – спрашиваешься со службой. Ты точно не хочешь в лейб-кавалерию, детка?»

В лейб-кавалерию я не хотела точно. И напутствия мамочки вызубрила твердо. Заткнуть уши и работать головой, тогда все получится. Вот и попробуем, и поглядим, что будет.

Я уткнулась в папку с показаниями несчастного преступника и честно постаралась не коситься на шефа и сигарету в его зубах слишком уж голодным взглядом. Та-ак... посмотрим...

Это только неспециалисту кажется, что графомаг-мыслечтец – это такой ходячий детектор лжи. Мысли, дескать, читает. По почерку и строению фразы любого насквозь видит. И работка – не бей лежачего, сиди себе, перебирай бумажки да поплеывай.

Угу, все, в принципе, так.

И читаю, и вижу. Вот только читая что-то, допустим, как сейчас, письменные собственноручные показания бедняги Горбатого, я не слышу, чего он там себе думал, когда писал. Нет, такое просто невозможно. Но я могу «войти» в его настроение, в его чувства и ощущения – на тот момент, когда неровные строчки легли на бумагу... Если мне не помешают, конечно! Вот во время допроса (если бы я сидела за занавеской и слушала, как мой кровожадный шеф зажимает разные части тела, хи-хи, подозреваемого этой зловещей книжицей) я довольно точно могла бы сказать, где и когда жертва соврет... И, если бы мне дали послушать запись допроса Горбатого, я была бы полностью уверена.

Ладно. Еще раз... во-от... вхожу...

Есть!

Здравствуй, дружок. Так вот ты какой! Пфе, не в моем вкусе точно... Ты напряжен... потеешь... рука у тебя дрожит. Боишься. Кого? Злющего эльфа? Ну, это само собой... а вот тут? Здесь ты испугался так сильно – чего? Кого? А вот так не говорят. И так не пишут. Мужчины. Только под диктовку. Диктовку... заученно... здесь забыл, задержал руку... Истина? Ложь? Вспомнил! Так должен говорить. Боюсь. Ее. Стриптиз-бар. Три веселых феечки. Истина. Боюсь. Кредит. Страшно... Хвостик уехал на другую строчку. Ложь. Она. Страшно...

Всё!

Я «вынырнула», мотая головой и морщась. Гадость какая... бр-р! Все равно, что зомби вскрывать. У меня с веселым гномом гораздо больше общего, чем хочется признавать! Сейчас меня стошнит... Одной рукой растирая правый висок, второй я брезгливо оттолкнула папку, подняла голову и наткнулась на недоумевающий и опасливый взгляд шефа.

Ой...

Я совсем забыла! Надо же было предупредить!

Обычно графомаг за работой – то еще зрелище. Мои коллеги закатывают глаза, шевелят губами, надувают щеки, жестикулируют... Некоторые даже ушами стригут. Все зависит от уровня восприимчивости. Погруженный в свое занятие графомаг все равно, что токующий глухарь, ничего не видит и не слышит, кроме «клиента». Лично я начинаю бормотать вслух и раскачиваться при этом, как болванчик. И голова у меня потом болит. Это же транс своего рода, один из способов влезть в шкуру другого существа. Это не может быть легко.

«Сейчас меня уволят», – подумала я, трусливо вжимаясь в кресло.

А вслух сказала, запинаясь и заикаясь:

– Он писал не сам. То есть... это не его слова, понимаете? Он писал так, как ему ска-
зали написать. И он боялся. Очень-очень боялся, особенно тут... м-м-м... Он боялся какой-
то женщины. И вот здесь, и тут тоже, он писал как бы с ее слов, той, кого боялся. Я... понятно
говорю? И еще – тут он точно хотел написать что-то другое, но не смог. Стриптиз-бар, «Три

веселых феечки», кредит. Это – истина. Остальное – врёт. Всё, больше ничего не вытащить, – я вдохнула, выдохнула, зажмурилась и выдала, дуря от собственной наглости: – А можно... можно мне сигарету?

Со стороны начальства не доносилось ни звука.

Ну, всё. Мало того, что устроила тут представление «скорбный дом на выезде», да еще и ничего путного не смогла сказать! А теперь еще и курево стреляю! Зелен тис, сейчас точно выгонит! И пинка вслед даст, пожалуй.

* * *

Изрядные дозы кофеина и никотина подействовали на мозг отдельно взятого следователя НЧЧК прямо-таки волшебным образом. Хандру, по крайней мере, как рукой сняло. Доказательства, обнаруженные ретивым доктором Роином, на самом деле только подтвердили основную версию следствия, и теперь осталось только дожидаться ответа из криминалистической лаборатории, чтобы начать в полную силу разрабатывать основных подозреваемых. Были, были у Эрина некоторые подозрения, не дававшие ему спокойно расслаживаться в кресле.

По большому счету, клочок рыжих волос из желудка зомби для следователя означал только одно – без показаний Горбатого теперь можно обойтись. Естественно, что после того, как с опущенным поработает ворлок-реконструктор, все равно придется проводить утомительную и бесполезную экспертизу пригодности к дознанию пострадавшего уголовника. Эрин заранее сочувствовал самому себе и Нолвэндэ. Общение с людьми, подвергшимися обратному превращению, вообще удовольствие редкой паршивости, а Горбатый и в здравом уме был изрядным подонком. Одним пусканием слюней и кудахтаньем тут дело не обойдется, как известно, куры – птицы не слишком опрятные. А после подробного изучения сумасшедшего мага-рецидивиста Эринрандиру придется еще писать длинный и обстоятельный отчет, во всех отвратительных подробностях описывая художества Горбатого. Развели бюрократию, ни вздохнуть ни пер... едохнуть! Право слово, Арнольд Полукарович совершенно прав, когда предлагает не реконструировать обратно превращенных, а организовать подсобное хозяйство. Начальство давно бы согласилось на рацпредложение гуманного тролля, если бы пострадавшие от магического произвола сокамерников не были бы петухами, то бишь, птицами мужского пола, не пригодными ни для каких иных целей, кроме вульгарного суповарения. И так как данное деяние формально попадало под статью АнтиМагического УК о каннибализме, то мнение петушиного сторожа упорно руководством игнорировалось.

И все-таки не зря кто-то не пожалел денег и связей, чтобы заставить Горбатого замолчать навсегда. И время выбрано удивительно точно. Штатный ворлок так некстати уехал на курсы повышения квалификации, и именно сейчас заменить его некем.

Эрин внимательнее перечитал допросный лист с показаниями охранника, переведшего Горбатого из одиночки в общую камеру. Разумеется, с ним договаривались через десяток посредников, и о главном заказчике тот, как говорится, ни ухом, ни рылом. Жалко гоблиненка, парень пострадал из-за собственной жадности. С гоблинами такое случается. Думал срубить деньжат налегке, а оказался в виварии. Не исключено, что после допроса его превращал в крысу лично товарищ Шрак – первый заместитель Ытхана Нахыровича. Сизолиций борец за чистоту рядов наводил даже на опытных и проверенных энчечекистов иррациональный ужас не только своей принципиальностью, но и мощной магической энергетикой. А как товарищ Шрак пил водку! О! Теплую, из мыльницы, в мужском туалете, занюхивая рулончиком туалетной бумаги. И самое главное, не пьянел, зараза.

Эрин помимо воли передернул плечами от нахлынувших воспоминаний. Бр-р-р-р! Да здравствует эльфийская печень – самая могучая печень в мире!

Стажерка тем временем пыхтела над показаниями Горбатого. На девчонку было жалко смотреть. Эринрандир даже слегка струхнул. Доведет Ытханову протее до нервного истощения в первый же день – начальство на куски порвет.

Хотя конечно, до уровня Хильди девчонке далеко, как от деревни Гадюкино до Валакирки. В бытность Эрина знаменитым, столичным и орденосным в паре с ним работал самый лучший графомаг и мыслечтец, какого только оказалось возможным найти. На хоббита во время работы вообще было лучше не смотреть. Хильдигрим беспрестанно чесался, икал и сморкался. Так что к побочным эффектам графомании Эрин успел притерпеться. Он дождался, когда Нолвэндэ придет в себя, и очень внимательно выслушал её пояснения.

«Женщина, стриптиз-бар, «Три веселых феечки», кредит, – лихорадочно размышлял эльф. – Все правильно! Все сходится! Ребеночек не наш!»

Мысленно он ликовал. Его подозрения еще раз подтвердились. Целиком и полностью. Все-таки он не утратил хватки. Мастерство ведь не пропьешь, верно? И сколько не заливай свой позор в мужском туалете из мыльницы в компании с мрачным гоблином, а чутье сыщика никуда не денется!

– А? Кури, конечно, только они крепкие, – честно предупредил Эрин, механически протягивая открытую пачку стажерке.

«Молодец, малявка! Так держать!»

На радостях следователь нащупал во внутреннем кармане форменного кителя заветную фляжку, но при Нолвэндэ пить постеснялся. Решит еще, что алкоголик. А неплохо было бы полирнуть первую удачу «Черной чайкой».

– Сиди тут и отдыхай, – приказал Эрин. – Я быстро, – и едва девушка дернулась следом, строго рыкнул, пригрозив пальцем. – Вернись – пойдем обедать.

И направил свои стопы к криминалистам. Ему просто не терпелось узнать побольше о рыжем клоке волос и остальном содержимом желудка господина Бе-бе. Ел он или не ел кого-то? Вот в чем вопрос!

Лабораторией заведовала милейшая и умнейшая орка с совершенно непроизносимым для нормального эльфа именем Юслагюлшаха. В отличие от коллеги Роина она никогда не путала работу с личной жизнью, тщательно следила за модой и вот уже тридцать лет была безнадежно влюблена в Ытхана Нахыровича.

– Эрин, лапушка! – проворковала Юсла густым сочным контральто. – Наконец-то и на твоей улице праздник.

– Вы это о чем? – прикинулся тот эльфийским мокасином.

– О твоей новенькой напарнице, конечно! – воскликнула криминалистка.

Стоило ли удивляться. Чтобы от бдительного ока бравых энчекекистов укрылась сколь либо значимая новость? Да никогда! Эрин готов был присягнуть на своих пыльных медалях и рыцарских шпорах – едва за ними с Нолвэндэ закрылась дверь мертвецкой, как Роин сын Норина бросился обзванивать по внутреннему телефону все отделы и в красках расписывать прелести стажерки-эльфийки. Глаз у гнома – алмаз, он сразу определяет размер бюста, объем талии и марку нижнего белья. Каким образом? А вот это секрет опытного специалиста.

– Если ты снова упустишь свой шанс, то я просто перестану верить в легендарное эльфийское обаяние, – заявила Юсла. – Хватит лелеять свои обиды, надо начинать снова жить в полную силу.

– У меня такое впечатление, что все управление только и озабочено, что состоянием моей половой жизни, – проворчал Эрин.

– А что ты думал? Мы слепые? – искренне возмутилась орка. – Сколько можно строить из себя монаха-отшельника? Вот из-за таких, как ты, и возникает слэш. Молодой красивый мужик эльфийской национальности, а живет один-одинешенек! Хоть бы одну дриаду трахнул!

– Юсла! Перестань!

– Что значит «перестань»? Все секретарши по тебе сохнут. Уже трижды туда-сюда из блондинок в брюнетки перекрашивались, чтоб тебе, бесстыжей эльфячьей роже, угодить.

– Кстати о масти причесок. Что ты мне скажешь о рыжих волосах? – тут же сориентировался Эрин и увел разговор от скользкой темы своей личной жизни в чисто профессиональную плоскость. – Роин тебе должен был прислать.

Юсла деловито пролистала свой блокнотик:

– Ну что я тебе скажу, эльф мой аскетичный, держали твоего зомби впроголодь, бедолага с голодухи сожрал несколько кожаных лифчиков.

– А волосы? Выдернул?

– Да нет, что ты! – замахала руками орка. – Он расческой закусил, а на ней были выпавшие волосы. Рыжесть натуральная, естественная. Аж завидки берут, честное слово. Роскошная у какой-то мерзавки шевелюра, просто роскошная.

– Не у мерзавки, а у сьючки, – механически поправил криминалистку Эрин.

«Ну, вот вы и попались, ведьмы мои ехидные!» – торжественно провозгласил он в своих мыслях.

– Спасибо, Юсла, ты просто золото, а не женщина! – сказал он и запечатлел на смуглом запястье орки благодарный поцелуй, стараясь не смотреть на разрисованные розовыми сердечками и цветочками черные акриловые ногти.

– Скажи об этом Ытхану, – грустно вздохнула Юсла.

* * *

Как же мало мне нужно для счастья! Едва за бодро усакавшим шефом закрылась дверь, я мигом позабыла про неприятные нюансы моей работы. Некогда болеть! Какая мигрень – меня подхватила волна энтузиазма и азарта. А всего-то – похвалили и дали сигаретку. Если и дальше так пойдет, я ему точно тапочки носить стану. Хи-хи.

Исполненная благодарности, я вымыла чашки из-под кофе, встряхнула пепельницу, протерла столы, сложила бумажки на своем рабочем месте двумя ровными стопочками – обработанные и еще не тронутые. Достала из недр сумки любимый кактус и торжественно установила его рядом с монитором. Тут же, рядышком, примостилась рамочка с фотографией родителей: мама в летном комбинезоне и папуля в старом камуфляже на фоне нашего семейного грифоньего питомника. Обживаюсь потихоньку. Прелестно!

Я горделиво окинула взором созданный уют, откинулась в кресле и с чувством выполненного долга наконец-то закурила «трофейную» сигарету. И почти сразу поняла, что спокойно вот так до возвращения шефа не досижу. Меня начало снестать то, что папочка флегматично именует «наследственным шилом», не будем уточнять, где именно оно располагается и чьим наследством является. Я жаждала приносить пользу! Вот прямо сейчас и сразу же, немедленно! Поскольку чашки были уже вымыты, а насчет бумаг дополнительных указаний не было, я все-таки извлекла ноутбук, подключила к нему телефон и переписала материалы, отснятые на вскрытии.

Начальство обратно все не шло и не шло.

Ладно, раз шеф сказал отдыхать, будем отдыхать! Лучший отдых – это смена деятельности!

С этими мыслями я решительно открыла фотографию полупереваренной застёжки от лифчика и принялась ее укрупнять, вертеть и добавлять резкости. Все-таки кажется мне, что если уж не в конструкции, то в моделях женского белья мне разобраться будет проще, нежели мужчине. Не сомневаюсь, что за свою жизнь мой прекрасноокий шеф расстегнул немало бюстгальтеров, но если он вот так сходу сможет отличить изделие модного дома «Нимродель» от очень похожего, но гораздо более дешевого изделия, пошитого трудолюбивыми орчанками в солнечном Пиндостане, я усомнюсь в его ориентации. А вот я подобную садистски-неудобную застёжку (а вы попробуйте самостоятельно застегнуть шесть крючочков в два ряда у себя на спине!) точно где-то уже видела, вот только не помню, где... Не в каталогах точно. ТАКОЕ шьют либо дома на кухне, либо у дорогуших модисток на заказ. Обычное бельё, дешевое или дорогое – неважно, более функционально. Вот у меня, например, не самый дешевый лифчик от «Нимродель» с незаметной и удобной застёжкой спереди. А неизвестная мне девица, чьим имуществом закусил зомби, помимо дурного вкуса отличалась, видимо, еще и изрядной долей мазохизма.

Нет, ну где же я это видела?!

Я вытянула из забытой Эринрандиром пачки еще одну сигарету и сосредоточенно засопела, уткнувшись в экран.

Есть! Вспомнила!

В точности такой лифчик носила бывшая подружка моего старшего братца! Где приличный юноша из хорошей эльфийской семьи умудрился подцепить вульгарно-крашеную рыжую человечку с нездоровой страстью к черному кожаному белью, для всех нас так и осталось загадкой. Однако же подцепил. Да еще и притащил ее в поместье «знакомить с семьей»! Семья, понятно, была в полном... восторге. День, когда это диво попыталось продемонстрировать моему папуле (!) «боевые», как оно выразилось, «искусства», запомнился нам как один из самых веселых выходных, проведенных в кругу семьи. Диво летало по спортзалу, выбивая пыль из стен и матов, по самым замысловатым траекториям. Папуля вообще-то не бьет женщин, но иногда делает исключения. Красавица обиделась и прошипела что-то о «высокомерных остроухих шовинистах». Впрочем, пыльные маты, куда она была тыкнута личиком, несколько заглушили ее пламенную речь. Вот тогда-то я и наблюдала точно такую же застёжку и, похоже, такой же лифчик, так как именно в этом «боевом облачении» несчастная и пыталась спарринговать с моим нехорошим остроухим папулей-шовинистом.

Куда потом делась несостоявшаяся любовь моего братца, осталось тайной. Почему несостоявшаяся? А как бы вы отнеслись к девушке, которая умудрилась за один вечер попытаться соблазнить сразу семерых... извиняюсь! – восьмерых эльфов?! Притом родственников. Притом в присутствии их жены и матери? Получив не слишком вежливый отказ, раздосадованная красотка попыталась спереть мамину любимую вазу, папин наградной кинжал и угнать племенного грифона... В общем, братцу в итоге быстро вправили мозги, а из всего этого на семейном совете был сделан логичный вывод: даже легендарное эльфийское гостеприимство должно иметь границы! Больше подружек с замашками уличных попрошаек мои братья не заводили, и уж тем более не приводили такое в дом. Но очаровательная в своем уродстве кожаная вещица мне запомнилась...

– Ха! – торжествуя, я захлопнула ноутбук (это военная модель, так что ничего фатального с ним не приключилось) и, оттолкнувшись пятками от пола, откатилась на кресле назад.

Сдавленный возглас за спиной раздался внезапно. Сердце ухнуло в пятки. Я подскочила на кресле, тихонько пискнула и замерла, как мышь под метлой, не решаясь обернуться.

Начальство изволило вернуться в самый подходящий момент.

* * *

Реакция новенькой, застигнутой за катанием в кресле по кабинету, Эрина несколько смутила. Он даже покосился на свое отражение в стеклянной дверце стенного шкафа.

Вроде бы хищные клыки не успели отрасти, и взгляд пока еще без сумасшедшинки. Конечно, вид потрепанный, морда перекошенная, башка раскалывается, синяки под глазами, как у голодного вампира, и в животе бурчит не по-детски. Но чтоб так шарахаться... Дожилс-с-ся! Уже на сородичей ужас наводишь, ап-Телемнар. Позор!

– Нолвэндэ, сделайте милость, перестаньте трястись, – проворчал Эрин. – Я, конечно, жрать хочу как не знаю кто, но вас есть не буду. У нас законный обеденный перерыв, между прочим.

– Я не хочу кушать, – проблеяла эльфийка.

– А придется. Тут все равно будут сейчас убирать.

Перед уходом он приоткрыл окно для проветривания. Снова выслушивать жалобы уборщицы на табачный дым, эльфу не хотелось. Вот ведь подлянка какая – у остальных сотрудников убирают наяды, а у него – дриада. Упертая девка родом из какой-то заповедной дубровы. Мало того, что она ругалась, как пьяный хоббит, так еще и регулярно строчила на Эринрандира доносы. То он дырку в казенном ковре пропалил, то непонятно что курит, чуть ли не гашиш. К тому же уходит с работы позже всех, а бедной труженице швабры, тряпки и пылесоса приходится перерабатывать, а потом возвращаться домой в темноте по неблагополучному району. После долгих споров нашелся компромисс – уборка производилась в обеденный перерыв.

– Доброго денечка! – злобно рявкнула Эрину прямо на ухо вредная дриада. – Соизволили, наконец-то.

– И я тебя люблю, Желудьковская, – огрызнулся эльф, бросив на ходу через плечо. – Снова найду пыль на подоконнике – заставлю все заново перемывать. И только попробуй выбросить мои сигареты.

Умение Эринрандира наживать себе недоброжелателей среди obsługi даже в самые лучшие времена поражало вышестоящее начальство. Секретарши у него постоянно рыдали и бились в истериках, уборщицы устраивали акты саботажа, а единственный личный водитель уволился со скандалом ровно через две недели. Сначала Эрин думал, что дело в избалованности столичного персонала. Но в провинции история повторилась. Тут было о чем поразмыслить на досуге. Мда...

Столовая НЧЧК располагалась в полуподвальном помещении и выглядела, как... столовка. Затертые пластиковые столы, стулья с фанерными сидениями типа «прощайте, колготки», подносы мерзкого ядовито-розового цвета и искусственные цветочки в бутылке из-под йогурта на кассовом аппарате. Но кормили отлично. Если бы не служебная кормежка, Эрин бы уже ноги протянул. Во-первых, полноценный обед – первое, второе и компот стоил сущие копейки, а во-вторых, не нужно было готовить и потом мыть за собой посуду. Именно поэтому, ну и еще из-за полнейшего отсутствия личной жизни, эльф-следователь никогда не отказывался поработать в выходные и праздничные дни. И, кроме того, сердобольные столовские хоббитянки Эрина искренне любили за отличный аппетит и доброжелательное отношение. Вот и сейчас, едва заметив его в дверях, розовощекая кучеряшка Фолка, стоявшая на раздаче, радостно замахала рукой:

– Эрин! Иди скорее, я тебе самую вкусную котлетку оставила! Ой, да ты не один!

Ну вот, пожалуйста! Как некстати, право слово.

Все, кто в данный момент находился в столовой, обернулись и воззрились на Нолвэндэ: гоблины, орки, наяды, дриады, гномы, хоббиты, эльфы и даже товарищ Дзир – глава отдела по

борьбе с терроризмом и дроу по национальности. Дриады, понятное дело, недовольно зыркали на мыслечтицу из-под длинных налакированных челок и синхронно застукали ноготками по столешницам. Криминалистка Юсла слегка преувеличила влияние Эриновых пристрастий на цвет их волос. Дриады как были блондинками, так ими и остались. Во всех смыслах этого слова. Мужская часть обедающих энчечекистов при виде леди Нолвэндэ расправила плечи и подтянула животы, даже те, которые никакой подтяжке уже не поддавались.

Смущенный и рассерженный, Эрин сделал морду кирпичом, и решительно взяв стажерку под локоть, поволок её за собой к стойке раздачи. Не слушая никаких возражений, взял для Нолвэндэ те же блюда, что и для себя, расплатился и усадил девушку лицом к залу. Потому что, все время, пока эльфийка не видела, вдохновленные энчечекисты беззвучно делали Эрину знаки разной степени пристойности.

«Надо будет показать этим доброхотам фотографии её семейства, – раздраженно подумал Эрин. – Тут не только мне, тут даже Дзиру ничего не светит». Девушки из столь известных семейств сызмальства знают, что тащить в дом всякую каку с улицы нехорошо. Скормят грифонам, и как звать-величать не спросят. Знаем – проходили.

– Ешь, давай. А потом расскажешь, что ты там рассмотрела на своем ноутбуке, – заявил эльф, решительно взявшись за чуть погнутую алюминиевую ложку. Совсем чуть-чуть, есть можно.

Пока Нолвэндэ томила над густым и наваристым гороховым супом, голодный эльф умял две порции, потом, практически не жуя, проглотил штук пять котлеток и присосался к граненому стакану с компотом из странного вида, цвета и вкуса фруктов. Эрин не отказался бы и от добавки, но не захотел пугать девушку. Объяснять ей, что в последний раз он нормально поел позавчера вечером, тоже было как-то не с руки. А может быть, и не позавчера, а еще раньше, если не считать едой растворимый кофе, сигареты и пиндостанский бубль-гум без сахара.

– Сколько можно копать? Я хочу услышать, что ты там разглядела в застёжках, если на радостях устроила катание на кресле, – напомнил он сотрапезнице.

Неведомо, чему больше обрадовалась Нол, то ли возможности отставить тарелку с жутковатым варевом, то ли поводом поделиться с грозным шефом своими умозаключениями.

И пока графомагиня рассказывала, Эрин с радостью отметил, что помощница ему в кои-то веки досталась толковая и самостоятельная.

– Отлично, леди! Теперь ты мне опишешь то же самое, только на бумаге, выскажешь свои предположения по вопросу происхождения кожного белишшка. А я пока организую допрос бывших сокамерников Горбатого. Ты олбанский-то знаешь, мыслечтица?

* * *

Загадочного «олбанского» я, к сожалению, не знала. Более того, я, к стыду своему, даже не представляла себе, где территориально может располагаться страна, жители коей изъясняются на подобном наречии. А потому, заслышав вопрос начальства, впала в ступор, в каком-то и пребывала до самого конца обеда. И только когда потерявший терпение шеф во второй раз меня окликнул, я осмелилась поднять на него несчастный взор:

– П-прошу простить меня, м-милорд... но я не помню такого языка!

На этот раз я встречу позор с высоко поднятой головой! А не знать о существовании какого-либо языка для дипломированного графомага – самый настоящий позор, согласны?

Милорд подавился остатками компота и зловеще прошипел:

– Прекратите этот балаган, леди Анарилотиони!

– Простите... – выдавила я и сглотнула.

– Идемте. Обеденное время закончилось.

Я так шустро выбралась из-за стола, что посадила зацепку на брюки, и поспешила за разгневанным начальством.

– Я... оскорбила вас, милорд? – осмелилась я подать голос уже в тиши кабинета.

«Милорд» свернул очами.

– Нет. Но впредь воздерживайтесь от подобных представлений на здешней публике, леди. Мы с вами не в Столице, – добавил он уже мягче, – к счастью.

– О! – до меня начало доходить. Ну, конечно же! Для опального лорда (а я что, виновата, что он действительно лорд?! Ее Владычество лично ему титул даровала, наследственный, между прочим!) напоминание о былом положении не могло быть приятным. А я была непозволительно бестактна. Но как же мне его тогда называть?

Вот этот вопрос я все-таки озвучила. И в самом деле, общаться как-то надо.

– По имени, – последовал ответ. – И никаких «милордов», понятно? Милорды остались в Столице, леди.

– Это неудобно, – возразила я, вся во власти сомнений. – Мы с Вами в разных чинах, и подобная фамильярность младшей по отношению к старшему вряд ли допустима.

– Тогда говорите мне «Вы» и успокойтесь уже на этом! – начальство изволило усмехнуться. – Ибо пока мы с вами разводим тут политесы, сударыня, у нас все зомби расползутся. Даже уже препарированные.

– В таком случае, – я светски улыбнулась, – вам тоже следует называть меня по имени, Эринрандир. Просто «Нолвэндэ» или даже «Нол», если угодно. И можно без «леди».

– Заметано! – шеф фыркнул и выразительно кивнул в сторону компьютера.

Я ойкнула и метнулась на рабочее место.

– И кстати, Нолвэндэ, – неформально подмигнул мне вслед легендарный энчэчэкист, – к твоему сведению, олбанский – это не язык. Это жаргон. И для юной девы из семейства, подобного твоему, вполне простительно этого не знать.

«Ну-ну», – мысленно хихикнула я, принимая к компьютеру. – «Много ты знаешь о моем семействе. Слышали бы Вы, сударь, какими словесами кроет блистательная благородная леди Аэриэн своих знаменитых «летунов»! И вообще... у меня семеро братьев».

* * *

«Милорд»! Едрёные пассатижи! Как любит говаривать отважный дроу – гроза иномирского терроризма, выбирая, какой проводок перерезать, за полторы минуты до предполагаемого взрыва. Эрин тешил себя надеждой, что коллеги, пожирая горячими взглядами ножки и попку эльфийской девы, не обратили внимания на её неосторожные слова. К нему и так лишь совсем недавно стали относиться как к «своему», а не как к залетной птице из Столицы, явившейся учить настоящих (в отличие от легендарных и прославленных) профессионалов и совать нос в чужие дела. Не хватало еще напомнить соратникам про рыцарство. Тогда точно от шуточек про золоченые шпоры до скончания веков не отделаешься. Ох уж эти романтические девы из приличных семей! Албанского не знают, гороховым супом брезгуют, «милордами» обзываются!

К счастью, по дороге в канцелярию тюремного изолятора, Эрин не только никого не встретил, но еще умудрился избежать столкновения с парочкой своих обожательниц-дриад, а когда выяснилось, что сегодня на смене коллега Леготар, то и вовсе воспрял духом. Без рас-

спросов о стажерке, конечно, не обойтись, но сородич-эльф гораздо меньшее зло, чем остальные сотрудники внутренней тюрьмы.

Если бы Эрин не знал, где работает Леготар, то сроду бы не отгадал, что всегда элегантный эльф, не брезгующий даже мужским маникюром, во времена оные считался лучшим специальным агентом Секретной Службы. Как и Эринрандир, оставшись не у дел из-за крупного политического скандала, Леготар решил начать новую жизнь на новом месте. На почве схожести судеб они и нашли общий язык.

Пить бывший агент не пил, зато отлично играл в преферанс.

– Привет, Тар!

Тонкие губы платинового блондина в безупречно сидящей форме расцвели самой обаятельной в мире улыбкой.

– День добрый! Про Нолвэндэ Анарилотиони спрашивать не буду – тебя уже и так достали, – молвил пронизательный коллега. – А под вызовами на допрос обитателей камеры номер 6 тебе осталось только подписаться.

Иногда Леготаровы понты Эрина раздражали, но чаще все-таки радовали, как например, сейчас.

– Ты прямо без рентгена всех насквозь видишь, – восхитился следователь. – Спасибо!

Бывший спецгент снисходительно хмыкнул.

– Но сегодня ты все равно ни с кем поговорить не сможешь.

– Почему?

Леготар придал своему лицу выражение крайней задумчивости, будто считывал информацию прямиком из ноосферы.

– Потому что через полчаса начнется ПДПС.

– Едрёные пассатижи! – взвыл Эрин, от избытка чувств звонко хлопнув себя ладонью по лбу. – Забыл совсем! Это не ДПД, а засада какая то!

– Иногда я просто диву даюсь, как ты сумел нажать себе репутацию пронизательного сыщика, – вздохнул Леготар. – У тебя в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Первороденный называется.

И так как за бывшим, почти легендарным спецгентом водилась слава существа никогда и ничего не забывающего и держащего руку на пульсе всех событий, Эринрандир возразить было совершенно нечего.

В это время в кабинет к Тару заглянул хоббит-курьер:

– Срочно в актовЫй зал на ПДПС! – крикнул он.

Загадочная и грозная аббревиатура расшифровывалась просто – постоянно действующее производственное собрание. В приватной обстановке Эрин обзывал его иначе – ДПД. Гораздо менее цензурно, если переводить дословно. ДПД – до п... дверца. И сказать по правде, рядовые и не очень энчечекисты полностью разделяли мнение опального сыщика.

Ибо мероприятие было тупое и полностью бесполезное, не имеющее никакого отношения к реальности, и никак не влияющее на раскрываемость преступлений.

– Приходи завтра с утра. Все нужные документы будут готовы, – заверил Эрина Леготар. – Может быть, кого-нибудь поддержать ночку в карцере? Для укрепления памяти, скажем?

Следователь ненадолго призадумался, сверяясь со списком.

– Ну, разве что... м-м-м-м... Лёничка.

Маг-рецидивист по кличке Лён отличался особым цинизмом и дерзостью. Именно его Эрин считал зачинщиком магизнасилования Горбатого.

– Нивапрос! – хмыкнул Тар. – Сделаем в лучшем виде. А ты беги на свое ДПД, опоздаешь.

И снова оказался прав. Вот, что значит старая школа!

* * *

В самый разгар написания моего отчета о сравнительном анализе застежек для лифчиков шеф, чертыхаясь, умчался на совещание, на прощание наказав мне дописывать и отправляться домой.

– Компьютер выключишь, свет погасишь, дверь захлопнешь, – следователь озабоченно поглядел на часы. – Эта бодяга теперь надолго, так что сегодня мы уже вряд ли увидимся. А посему – до свидания, леди Нол.

И убежал.

А я докропала отчет, распечатала в трех экземплярах на стареньком чихающем принтере и положила на стол к начальнику. В полном соответствии с инструкцией, выключила машину, погасила свет и тщательно проверила, как закрылась дверь. Подхватила свои вещи и отправилась домой, в пока еще неведомую мне Ново-Форменовку. Правда, по дороге я все-таки умудрилась оформить себе пропуск и даже получить табельный «Куталион». Все-таки удивительно предупредительные товарищи здесь служат! Встреченный мной в коридоре вежливый дроу даже такси мне вызвал и сумку помог дотащить! Хм... И почему папочка так не любит наших красноглазых сородичей? Тоже ведь эльфы, если разобраться! Впрочем, вежливый дроу как-то слишком быстро распрощался, услышав мое полное имя. И даже телефончик не попросил. Ну и невелика потеря! По сравнению с моим синеоким шефом (чисто теоретически!) темный эльф явно проигрывал. И только служебных романов мне сейчас и не хватает.

* * *

– Эрин! – истерические интонации в голове товарища Ытхана означали не более, чем общее недовольство устройством мироздания, и персонально к опальному эльфу никакого отношения не имели. – Ты опять без формы!

– Почему? – удивился тот, демонстрируя свой китель.

– А джинсы?!

Бедному орку понадобилось два года, чтобы заставить Эринрандира поверх бессменного черного свитера одевать хотя бы форменный пиджак с нашивками. Потертые мятые джинсы пока держали стойкую оборону на эльфийских чреслах и сдавать позиции не собирались.

– Я исправлюсь, – устало пообещал Эрин. – Честное слово!

– Гляди у меня! – пригрозило пудовым кулаком начальство.

На самом деле для Ытхана Нахыровича это была такая развеселая игра под названием «Достань эльфа», и Эрин принимал в ней пассивное участие. До его появления официально жертвой считался Шрак. Видимо поэтому, в знак искренней признательности, гоблин занял для Эринрандира местечко подальше от трибуны и натянутого над ней огромного, выцветшего за несколько лет транспаранта «То, что вы еще не сидите – это не ваша заслуга, это – наша недоработка!».

– У тебя что-нибудь есть? – заговорщически спросил Шрак и сделал круглые глаза.

– Есть! – шепнул в ответ эльф.

– И у меня!

«Черная чайка» предназначалась исключительно для подобных случаев, когда надо запить какой-нибудь гоблинский эликсир, позволяющий на какое-то время отключиться, оставаясь в сознании. Отхлебнув из заветной фляжки и поделившись с Шраком, Эрин откинулся

на спинку стула, сложил руки на груди так чтобы видеть фосфоресцирующий циферблат часов на запястье. Со стороны казалось, будто эльф с гоблином сосредоточенно внимают докладчику. На деле, они вообще ничего не слышали: пятилистный собачий глаз и воробыная трава быстро набирали силу.

ДПД закончилось немного раньше, чем рассчитывал Эринрандир. Занемевшего и озябшего, его растолкал Дзир.

– Ну, вы даете, милостивые государи! – восхищенно проворчал он. – Вы бы еще храпеть на весь зал начали.

– А? Чо? – задержался гoblin.

– Нельзя так пугать начальство, парни, – ухмыльнулся дроу. – Ытхана от вашей стойкости инсульт хватит.

Оказалось, что во время совещания Эрин умудрился вставить в доклад парочку довольно умных комментариев и связно ответить на встречный вопрос докладчика. И все это при полном отсутствии сознания.

– Силен! – простодушно восхитился Шрак. – Всегда у тебя все под контролем!

Опровергать заявление эльф не стал, хотя сам невероятно удивился произошедшему. Склонности к сомнамбулизму он за собой раньше не замечал.

– Кстати! – оживился вдруг гoblin. – Предлагаю срочно обмыть появление эльфиечки.

– Давай отложим до зарплаты, – взмолился Эрин, видя, как разгораются глаза у дроу.

Никакие траты, кроме как на сигареты и столовские обеды, в его планы не входили.

– Ждать еще сколько. У меня все есть.

– Опять водка? – уныло спросил эльф.

– Обижаешь, ап-Телемнар! – Шрак сгреб коллег в охапку. – Самогон. Домашний. Фирменный.

Восхищенный стон Дзира явился самым ожидаемым ответом. Гоблинский самогон, настоящий на десятке целебных трав, не имел аналогов ни в одном из известных сопредельных миров. На следующее утро всех троих ждало ужасающее похмелье, но, честное пресветлое слово, оно того стоило.

Воодушевленная предложением троица резво переместилась в кабинет Шрака, для совершения обещанного священнодействия. Пили по-благородному из посеребренных рюмашек классическим энчечекистским способом: под мануфактуру. То бишь, занюхивая выпитое собственным рукавом. И если бы дегустаторов посреди веселья не застукал Ытхан Нахырович, то все могло закончиться вполне мирно. Однако принесенная орком подарочная «Черная крепость» только усугубила положение дел. Конкретно так усугубила.

Есть железное правило: пьешь в компании с начальством – помалкивай в тряпочку. А не можешь держать язык за зубами – напивайся сам и спаивай соратников до того состояния, когда скользкие политические беседы сами собой сводятся к разговорам о женщинах. Наученный горьким и болезненным опытом Эрин следовал этому правилу неукоснительно. Очень скоро Ытхан поведал о собственных подвигах на любовном фронте. Потом слово перешло к Дзиру. Через двадцать минут собутельники знали во всех подробностях о сексуальных пристрастиях и интимной прическе молоденькой дриады из отдела кадров. Этой... ну как её... Пуан... Пуан-сетики?... Пуанцетии... кажется так. Строгий вердикт дроу гласил: хороша, но без изюминки, вернее, без червоточинки, слишком правильная. Ну, где это видано – современная дриада, а трахается только в миссионерской позе? Непорядок!

Шрак считался самым стойким в плане «походов налево». Одна жена и одна постоянная любовница его вполне устраивали. От него коллеги дождались только сетования на меркан-

тильность обеих женщин, будто задавшихся целью опустошать гоблинские карманы, которые вовсе не бездонны.

– Ну, теперь и у Эрина будет, кому юбчонку задрать, – радостно провозгласил гоблин. – За новенькую!

– Я ему задеру юбчонку, – огрызнулся Ытхан Нахырович. – Нолвэндэ – дочь моего боевого товарища. Я специально приставил её к Эрину.

Он ласково, но крепко приобнял эльфа, недвусмысленно сдавив ему шею.

– Эрин у нас парень порядочный, ему, в отличие о вас, разгильдяи, я могу доверить малышку. Но гляди, если что будет не так, – грозно сдвинув брови, прошипел орк. – На одну ногу наступлю, за другую дерну, а все, что останется, по стене размажу.

– Ытхан, за кого ты меня принимаешь?

Эрин даже обиделся слегка.

– Смотри... только, если что-то серьезное надумаешь... только тогда... и то... сначала к Таурендилу поедешь знакомиться... а уже тогда...

– Я бы не стал связываться, – философски заметил дроу. – Грифоны, братья, мамаша с папашей. Не советую.

– У-гу, – икнул Эрин. – Давайте на посошок и по домам!

На посошок допили его же «Черную чайку» и остатки дешевого виски-ши из неприкосновенного запаса Шрака. И когда алкоголь кончился, решили разойтись.

Воспоминаний о том, каким образом Эрин дополз до своей двери, у него не осталось абсолютно, но ключом в замочную скважину он попал сразу. Нет глаза зорче эльфийского!

* * *

Ново-Форменовка (о, я представляю, как будет рыдать от смеха мамочка, когда услышит это название!) действительно была прелестным районом, утопающим в зелени. А еще она оказалась пешеходной зоной, так что на поиски Арсенальной, 12, я отправилась на своих двоих, вооружившись картой и встроенным в телефон компасом. Полностью погруженная в разработку оптимального маршрута (насчет полутора часов пешком отсюда и до работы дядя Ытхан откровенно загнул), по сторонам я не гладела. Будет еще время насмотреться.

Искомая улица обнаружилась довольно быстро, а дом 12 оказался симпатичным одноэтажным строением на две квартиры, с прелестной живой изгородью и деревцами под окнами. Соседские окна, кстати, были темны. А вот любопытно, что за соседи мне достались?

Сгрузив сумки прямо на пол, я оглядела свое новое жилище. Прихожая, коридор, кухня. За той дверью, наверное, ванная и туалет. Две смежные комнаты – гостиная и спальня. Казенная мебель с инвентарными номерами. А что, вполне мило. Не хоромы, конечно, но ничего так квартирка. Главное, чтоб телефон работал, и горячая вода была, а остальное приложится!

Следующие пару-тройку часов я посвятила самозабвенному обживанию моих чертогов. Развесила одежду в шкафу, расставила чашки на кухне, написала и отправила письмо родителям... С наслаждением сходила в душ. Замотав голову полотенцем и облачившись в любимый короткий халатик традиционных черно-красных тонов, я сварила себе кофе, достала купленные по дороге сигареты, щелкнула папиной именной зажигалкой (папочка – единственный из семьи, кто знает о моей пагубной привычке... мать бы убила!) и сделала заказ на кожаный лифчик искомой конструкции аж в пяти известных мастерских. Где-нибудь «рыбка» да клюнет. Если похожая модель хоть раз продавалась (а она продавалась!), как минимум одна из дорогих модисток примет заказ. И я буду знать, где же все-таки пошито это чудо. И кому продано. Брату я, конечно, тоже написала – вдруг вспомнит что-нибудь существенное о белье своей подружки?

Чем Враг не шутит, может, это он ей такое оплатил! Но на положительный ответ надежды было мало. Братья женским бельем интересуются только с чисто практической точки зрения, то есть, какое быстрее и удобней снимать. Знаменитый семейный темперамент, что же поделать!

Поставив диск с подборкой боевых нолдорских маршей Сводного Хора им. Макалаурэ, я окинула квартиру орлиным взором и обнаружила все еще торчащую посреди комнаты уже пустую сумку. Непорядок. Поискала, куда бы ее засунуть и решила запихнуть под диван.

Сумка упрямо не запихивалась. Елозя голыми коленками по полу, я проклинала несчастную «мечту оккупанта» и упорно продолжала. Наконец, проклятое чудо галантереи сдалось и протолкнулось. Ура! Победно вильнув задом, я попятилась из-под дивана и...

– О-о-о... – прозвучало сзади.

Я молниеносно развернулась на четвереньках и натолкнулась взглядом на тяжелые черные ботинки военного образца.

Глава 3

Я заорала и совершила невероятный кульбит прямо из того положения, в каком находилась. С пола. С четверенек. За спинку дивана. И все это – не переставая орать. Мамуля всегда говорит, что на противника надо воздействовать всеми доступными способами. Оглушить для начала, а потом еще и ментально по мозгам шарахнуть, пока дрожащая рука нашаривает на тумбочке табельное.

«Он же не заряжен!» – сообразила я, высовывая ствол «Куталиона» из-за диванной спинки.

Ну и... до звезды! Враг-то об этом не знает! В случае чего – рукояткой по голове тресну!

Кровь воинственных предков вскипела в жилах. Я выпрямилась, навела на пошатывающуюся фигуру злодея прыгающий ствол и грозно просипела:

– Стоять! Ни с места!

– Й-а-а... – отозвался тот. – Ы-ы-ы...

А... Элбереть твою Гилтониэль тридцать три раза через Кольцо Всевластья! А благодать мою в Аман!

Я наконец-то разглядела незваного гостя.

Начальничек... Но – Эру! – в каком виде! Непобедимый и легендарный энчечекист, кавалер Золотого Клинки и Вечерней Звезды, и прочая, и прочая, стоял в дверном проеме, качаясь, словно колеблемая ветром сосна на вершине скалы, прикрывал глаза одной рукой, а второй совершал какие-то махательно-вращательные движения. То ли мух отгонял, то ли пытался жестами изгнать наваждение. Меня, то есть.

Пьяный. Как выражается моя матушка, встречая папулю после очередного обмывания очередной успешной командировки, в зюю. Но мамуле проще, она-то упирает руки в боки и восклицает грозно: «Ну что, морда сумеречная, опять ужрался до состояния существа?! Скормлю грифонам!», а поутру собственноручно отпаивает страдальца рассолом и гоняет кругов... – надцать по лужайке. А мне чего делать? Сказать дорогому шефу: «Здрасьте»? Или – «Добрый вечер»?

– Э-э... – сказала я в растерянности и сделала невнятный жест рукой со все еще зажатым в ней пистолетом.

Начальство икнуло, позеленело и попятилось. Шустро так попятилось, можно сказать, отпрыгнуло.

«Торшер...» – мысленно простонала я, внимая грохоту в прихожей: – «И две-ерь...»

Похоже, еще и замок. Ну, точно! Осторожно высунув нос в прихожую, я печально оглядела результаты высокого, так сказать, визита.

Останки казенного торшера покоились на скомканном коврикe, дверная ручка сиротливо свисала на одном саморезе (это как же дергать надо было! Вот это силища! А я на него – с пистолетиком... да уж...), по косяку змеилась трещина.

Ну, прямо поле боя какое-то! Жуть!

И тут я увидела сама себя в зеркале. Растрепанная, в полураспахнутом халатике, с выпученными глазами и с пистолетом. Воительница, зелен тис! Валькирия! Посверкала перед хоть нетрезвым, но все же шефом, полуголой задницей, грудью потрясла, визгом оглушила, ментальным «отбойником» по мозгам приложила, да еще и пистолет наставила! Тут не только торшер, тут шею свернуть можно.

Пристыженная и обеспокоенная, я осторожненько поискала сознание своей жертвы в мысле-поле. Уф-ф... живой...

Угробить начальство в первый же рабочий день – вот это был бы подвиг, достойный нашего рода! Стыдно-то как! Может, кефирчиком его завтра угостить, по-соседски?

Впрочем, милосердие мое слегка поутихло, когда я осознала, что помимо незапланированной уборки, мне предстоит еще и ремонт казенного имущества. За свой счет, между прочим. Нет, помощи страждущий не дождется.

Ну, дядя Ытхан! Ну... Одно слово – орк! Это же надо, поселил меня рядышком с шефом! Такого балрога подложить! Я же не совсем дурочка, я же все понимаю. Это, наверняка, чтоб блюсти мою честь и безопасность. Вот бедолага и пришел... блюсти. Ну, предупредить-то можно было! И я хороша – надо было уведомить начальника, где я живу, хотя бы вскользь обмолвиться!

Позорище... Можно подумать, мне все еще нужна нянька! Тем более, нянь. Ушастый. Тьфу!

А ведь у него будут неприятности – и кру-упные... – если я кому-нибудь проболтаюсь. Но я-то не проболтаюсь, конечно. Что я, пьяных сородичей не видела? Семья военных, знаете ли. Семеро братцев-офицеров. Мама-грифонолетчица. Она иногда с сослуживцами такое выделяет – Глау под парковую скамейку прячется! И, что самое странное, папочка встречает подгулявшую летунью примерно теми же выражениями. И все повторяется – и рассол, и пробежка...

Нет уж, трепать всем о загуле героического шефа – невместно. Ему, опальному, и так несладко. Никому не скажу. И вообще, постараюсь забыть обо всем этом... как только замок новый врежу.

Я хмыкнула, торжественно завернула погибший в неравной борьбе с эльфийскими конечностями торшер в коврик и отнесла в помойку. Выпила бокал пива, покурила в форточку и пошла спать, положив под подушку заряженный «Куталион». Так, на всякий случай.

* * *

Заходишь... Ну, ладно-ладно, заползаешь в собственную берлогу с единственной мыслью как можно скорее обняться с диванной подушкой и натыкаешься взглядом на обтянутую шелковым халатиком девичью попку. Это же стресс! Причем жестокий. Можно сказать, удар по психике.

В роду у Эрина дриад не было, но он буквально одеревенел, пустил корни и весь заколосился от неожиданности. И нельзя сказать, чтобы эльф не узнал эту аппетитную попку, так сказать... хм... в лицо. Узнал, конечно. Хотя бы просто потому, что почти весь вечер только о ней и шли разговоры в тесном мужском кругу. А вот каким образом Нолвэндэ оказалась в его квартире – это уже отдельный вопрос к следствию.

«Нолвэндэ, а ты что тут делаешь?» – хотел спросить Эрин, но у него вышло:

– О-о-о...

Понятное дело, девчонка испугалась. Кто угодно испугался бы. В дымину пьяный эльф, едва стоящий на ногах, пытающийся не фокусировать мутный взор на вырезе красно-черного халатика, может сподвигнуть одинокую девушку и на гораздо большее, чем прыжок через спинку дивана.

– Й-а-а-а... Ы-ы-ы-ы...

В переводе это означало: «Это же я! Извини! Двери перепутал. Уже ухожу и не надо в меня целиться. Спроси дядюшку Ытхана – он скажет, что я самый порядочный парень в нашем управлении!»

А еще мыслечтица! Графомагша, пассатижи едрёные!

Потом под ноги бросился казенный торшер, и дверь перестала открываться в нужную сторону. Но Эрин, проявив знаменитое нестандартное мышление и настоящий героизм, сумел таки вырваться из нехорошей квартиры. Посидев на ступеньках и немного отдышавшись, эльф

решил попытать счастья в квартире напротив. Заходил он туда с опаской, тщательно проверяя все помещения на наличие упругих попок, вооруженных стажерок, прыгающих осветительных приборов и прочих враждебных происков злобных недругов. Но не найдя никаких следов преступных элементов, бравый энчечекист заснул прямо на полу в коридоре не раздеваясь. Грустно ему стало. Наверное.

Да! Именно так – грустно и одиноко.

* * *

Спала я плохо. Прямо скажем, отвратительно я спала. Вздрагивала и просыпалась на каждый шорох, лихорадочно стискивая в потной ладони рукоять пистолета, подпрыгивая на малейший скрип. В неверных тенях мне мерещился то добрый анатом Роин с окровавленным скальпелем, то крадущаяся ко мне рыжая девица в кожаном белье, то доблестный лорд Эринрандир с торшером наперевес. Кошмарные видения завладели мною. Мне снились грифоны, с громким клекотом пикирующие на нечто растерзанное посередь зеленого луга, папуля, любовно вырезающий на прикладе снайперки очередную зарубку и мамочка, азартно вопящая с высоты: «Бей в глаз, не порти шкуру!» Перед самым рассветом я пробудилась в холодном поту и пошла попить водички, пытаясь отрешиться от последнего сновидения. Шутка ли, собственный шеф приснился! Орденоносный, при всех регалиях, от рыцарской цепи на груди до рыцарских же шпор, в распахнутом кителе, он яростно сверкал пронзительно-синими очами и, воздев над головой сияющий нездешним светом торшер, наступал на господина Бе-бе... И все бы ничего, да только на шефе, помимо кителя и регалий, ничего почему-то больше не было. Даже фуражки.

Если уж кошмары становятся настолько откровенно эротическими, пора просыпаться. Я сходила в душ, надеясь вымыть из мозгов притягательный образ, сварила себе кофе и включила ноутбук. Надо бы почту проверить, что ли... Все равно не засну, да и вставать скоро.

Почта была. Братец Аркуэнон, скучая, видимо, на ночном дежурстве, изволил отписаться:

«Привет тебе, о прекрасная и любознательная сестра моя! Хотя и следовало тебе сперва поинтересоваться делами твоих родичей, как это водится между приличными эльдар, а потом уже вопрошать их о лифчиках, я прощаю тебе этот промах. Поделюсь по-родственному, так и быть. Конечно, помню. ТАКИЕ дыры в бюджете не забываются. Счетик-то я оплачивал, ты верно догадалась. Вот тебе адрес магазина. Я помирать буду, и то вспомню эти «Сладкие грезы полуночи»! Лично проверять ассортимент изделий я тебе не советую, если тебя, конечно, не заинтересовали вдруг всяческие эротические игрушки. Впрочем, Нол, я уверен, что в этом отношении ты чести семьи не уронишь. А то я приеду и разберусь! Шутка. Ты у нас девочка взрослая, умненькая. А ту мою девицу, если тебе интересно, звали то ли Дэйна, то ли Хэйна... Запоматывал, если честно. Странно, правда? Не могу вспомнить точно. В общем, как-то так. Надеюсь, это тебе поможет.

Пиши, сестрица, не забывай! Всегда искренне готовый помочь тебе, Аркуэнон».

Ага-а!!! Победа! Добыча!

Воодушевленная, я мигом проснулась и даже исполнила воинственный нолдорский танец в обнимку с ноутбуком. Вот так-то, дорогой начальник! Пока Вы там водку пьянствуете, я вам дело раскрою! Ха!

Справедливости ради надо заметить, что ничего особо существенного я не добыла, конечно, но надо же как-то потешить самолюбие! Если уж синеокий красавец даже подшофе от меня отмахивается с перепугу и торшеры ломает... Да еще и снится потом в таком виде! Ой-ой, леди Нолвэндэ! Ай-ай-ай!

Я глупо хихикнула и пошла одеваться. Восходящее солнце уже золотило верхушки деревьев за окном... Пора бы и на работу.

* * *

Бесполезно описывать словами ту бездну душевных и физических страданий, которые испытывал Эринрандир ап-Телемнар в момент своего пробуждения. По отношению к эльфу в данный момент самым гуманным деянием могла стать лишь эвтаназия. Лучше всего путем декапитации. Пронзительный вопль дешевого будильника, если и извлек Эрина из черного омута безвременья, то лишь частично. Все еще пребывая разумом где-то за гранью Добра и Зла, Эрин побрел в ванную. Там, стараясь не глядеть на свое отражение в зеркале, разделся догола и полез под ледяной душ. У него не было сил даже стонать от головной боли и стыда за вчерашнее.

«Милорд, вражью бабушку за ногу! Позор! Начальничек, называется! Рыцарь бухла и хлебала!» – эльф мысленно клял себя последними словами. Поддерживать свое тело в вертикальном состоянии Эрин уже мог, но дар связной речи к нему не торопился возвращаться. Зубы лязгали от холода, желудок завязывался узлом, а виноватых в происходящем, кроме самого страдальца, не было.

Вот как, как теперь смотреть в глаза Нолвэндэ? И... хм... как не вспоминать при этом о весьма соблазнительных округлостях под злополучным шелковым халатиком? Враг раздери этого хитрого орка Ытхана Нахыровича! Ведь специально же поселил девицу рядом, чтобы Эрин присматривал за подчиненной не только на работе, но и после. Какова подлянка?!

Эрин злобно крутанул кран до упора, обрушив на себя обжигающе холодный водопад. Благо, простуда ему не угрожала.

А Нолвэндэ?! Можно подумать, никогда пьяных сородичей не видела. Еще и пистолет наставила! Малявка истеричная! Феминистка воинствующая! Мысль о том, что придется весь день провести в обществе свидетельницы его позора и глубочайшего падения, действовала на нервы Эринрандира крайне раздражающе. Мало того! При таком жестоком похмелье поставить мысле-блок крайне затруднительно. А ведь еще неизвестно, умеет ли графомагша держать язык за зубами и не поползут ли через несколько дней по всему управлению слухи о пьяном дебоше, устроенном прошлой ночью?

К тому моменту, когда Эрин вытирался жестким, как рогожа, казенным полотенцем, историческая вина за все неприятности была возложена на Нолвэндэ. Известно же – все зло в женщинах, и только в них. Ведь живи рядом какой-нибудь парень, ничего страшного бы не случилось. Ну, посмеялись бы над Эриновой ошибкой, ну, может быть, выпили бы еще...

Нет, если бы он еще немного выпил, то просто умер бы. Хотя... право слово, лучше бы Эринрандир ап-Телемнар умер вчера. Тогда бы он не чувствовал себя как господин Бе-бе на столе у доктора Роина.

Нахлебавшись воды прямо из-под крана и бросив безразличный взгляд на заплесневелую мумию плавленого сырка в пустынных недрах холодильника, Эрин неимоверным усилием воли заставил себя одеться и вышел на лестничную площадку. У него еще оставалось в запасе ровно пятнадцать минут, чтобы по дороге на работу купить бутылочку пива и полечить истерзанный организм. И так бы оно все и случилось, если бы из своей квартиры не показалась Нолвэндэ.

– К-э-э-х-м... – глубокомысленно молвил эльф вместо приветствия.

Разумеется, ни о какой пивотерапии речи идти теперь не могло.

На работу они пришли без опозданий и практически одновременно, так как двигались параллельным курсом, не слишком удивив дежурного при входе. Обычно после учиненной накануне пьянки все приходило на работу чуть раньше обычного. Например, товарищ дроу уже не только оказался на рабочем месте, но и успел поругаться в бухгалтерии. Жестокий бодун Ытхана Нахыровича выразился в гораздо более мягкой форме для подчиненных – он приказал срочно помыть окна в своем кабинете, потому что в заплывшие до состояния узких щелочек орочьи глазки дневной свет почти не проникал.

Что подельывал вчерашний самогоновладелец – гоблин, Эрин так и не узнал.

К величайшему облегчению и радости Эрина его подопечная за все время не издала ни звука. То ли мысли читала, то ли знала, что трогать похмельного рыцаря-орденоносца себе дороже.

Едва переступив порог, почти не дрожащими руками, он набодяжил себе большую чашку кофейной бурды, и только испив приторной горечи дешевого суррогата, смог взяться за трубку внутреннего телефона:

– М-м-м-м... э-э-э-э... Тар! С... утром!

Вот! Вот оно счастье! Прорезался наконец-то голос. И пусть он был еще слабым и хриплым, но это означало, что в мозгу ожил и заработал центр речи.

– Леготар, там мои бумажки готовы?

– И мажики, и бумажики, – усмехнулся на том конце провода ветеран секретных служб. – Ты-то как? Живой?

– Вполне! – бодро отрапортовал Эрин. – А почему нет?

– Ну, тебе виднее, ап-Телемнар, но, если ты будешь другого оттенка, чем Шрак – я очень сильно удивлюсь.

Эринрандир осторожно покосился на свое отражение в стеклянных дверцах. В «Эскадрон смерти» – вряд ли, но в Гоблинюгенд его бы его приняли без вступительных экзаменов однозначно.

Ничего страшного! Будем внушать страх и трепет в сердца противоправного элемента. И напротив, чтобы не соблазнять подследственного манящим запахом свежего перегара, Эрин запахал в рот целую упаковку мятного бубль-гума.

– Пойдемте, леди, – молвил он, старательно не глядя Нолвэндэ в глаза. – Нас ждут великие дела.

* * *

Источаемые шефом похмельные флюиды долетали до моего истерзанного кошмарами мозга даже с другой стороны улицы, где он и шагал, периодически на меня поглядывая. Наблюдать это было невыносимо. Негоже так мучится живому существу! Так что чувство вины за вчерашний невольный стриптиз усугублялось еще и тем, что, находясь в поле моего зрения, несчастный явно не решался попросту подойти к ларьку и взять себе пива. Я уж и отставать пыталась, и отворачивалась специально – не помогало. И дернуло же меня выйти из дому пораньше! Честное слово, пока мы дошли до Управления, я уже раз десять успела пожалеть о собственной робости. Ведь лежит в холодильнике банка «Красного Самайна»! Что стоило предложить?

К моменту появления на рабочем месте мое чувство вины разрослось и заколосилось. Усугубляло ситуацию то, что на постановку качественного мысле-блока у героического энче-

чекиста сил явно не хватало, и я поневоле вынуждена была «ловить» целый букет чужих ощущений. То ли у меня чувствительность вдруг обострилась, то ли еще по какой причине, но дело кончилось тем, что я не выдержала и сама его «прикрыла», аккуратненько так, словно по учебнику. Чтоб не фонил на весь кабинет и не отвлекал бедную невыспавшуюся девушку от компьютера.

«Сегодня куплю кофеварку», – решила я, глядя, как начальство травится кофейным суррогатом: – «Сегодня же!»

Я элементарно струсилa и не решилась предложить ему кофе. Во-первых, дочерний и сестринский опыт подсказывал, что под горячую руку к мужчине в таком состоянии лучше не лезть, а во-вторых, он все равно не заметил бы сейчас разницы.

А я-то хотела ему добычей похвастаться... Обидно – слов нет! Ну, ладно, отойдет еще. Не маленький ведь уже! Вполне себе взрослый, можно сказать, зрелый. О чьих подвигах я еще соплюхой в газетах читала, а? Где-то дома на чердаке до сих пор альбом с вырезками хранится. Знала бы, что встречу – обязательно бы с собой взяла!

Кстати, о подвигах. О, мы идем на допрос! Ура! Ударный труд – вот лучшее лекарство!

* * *

На самом деле следственный изолятор НЧЧК насчитывал целых шесть этажей. Но над поверхностью земли виден был только один. Весьма аккуратный, покрашенный в бледно-желтый сырнй оттенок домик без каких-либо опознавательных знаков. Ни тебе зловещих решеток, ни тебе могучих запоров на окованных железом дверях. Правда, обошлось без кружевных занавесочек и горшочков с геранью на подоконниках пуле-бронемаго непробиваемых окнах. Все чинно и благородно – пластик, стеклопакеты, камеры слежения и прочие лазерные прибамбасы. Оборудованная по последнему слову техники внутренняя тюрьма не только производила благостное впечатление на столичные комиссии и проверки, но и вполне убедительно исполняла свои прямые функции. Отсюда никакой маг не сбежит. Пройдя несколько этапов проверки, пять раз предъявив служебное удостоверение и дважды дав просканировать сетчатку своих глаз, Эрин вместе с напарницей оказались внутри.

Галантно сопроводив мыслечтицу в комнату, сопредельную с допросной, но отделенную от неё стеклянной панелью, Эрин сказал, стараясь при этом на девушку не дышать:

– Нол, ты пока настройся, подготовься, ну ты сама знаешь. А когда будешь готова, ментально мне сообщишь. Я откроюсь. И каждый раз, как этот, – эльф кивнул на сидящего в соседней комнате преступника, – станет врать, говори мне, хорошо? Я очень рассчитываю на твою помощь и мастерство.

Девушка согласно кивнула.

Перед тем как войти в допросную Эрин потер затекшую шею, хрустнул суставами пальцев и специально взъерошил волосы. Для пущего эффекта, так сказать.

С Лёнчиком иначе нельзя. Он лембас тертый, хоть и с придурью. Со стороны поглядишь на него – ничего особенного! Тощий мужик с отбеленными, как у дроу, волосами, сутулый и мрачный. А на самом деле маг-рецидивист и в натуре аццкий сотона, считающий себя высшим вампиром. До того как у Леона Л. Мышера на почве вампиризма поехала крыша, он ничем от своих братьев по криминальному колдовству не отличался – наводил порчу, делал всякие привороты-отвороты, торговал БАДами (бесполезными адскими довесками) и всячески обчищал карманы доверчивых сограждан человеческой расы. Естественно, Ленчиковы магические художества не раз приводили его на скамью подсудимых. Но раньше он умудрялся отделаться маленькими сроками. Даже попытки кусать молоденьких орчанок и дриад за шею закон рас-

смастривал всего лишь, как хулиганство средней тяжести. Но когда кое-кто внушил гражданину Л. Мышеру, что можно увеличить свою магическую силу путем питания свежей крови разумных существ, он словно с цепи сорвался. В отношении настоящих кровососов утверждение оставалось полностью оправданным. Те, и в самом деле, нажравшись крови, становились сильнее, как физически, так и магически. Но Лёнчик-то вампиром никогда не был. Даже в десятом колене. Отчаявшись повысить свой мажеский потенциал, он все-таки выпил свою сородичку – девушку-подростка, и из обычного мага-хулигана стал убийцей.

* * *

Знаете, что такое поток сознания? Не-е, господа, не знаете... А я вот знаю. Слишком умная потому что. Была бы душой, здесь бы не работала. Эру, ну почему я не дура?

Нет, с магом все оказалось легко. Подвоха он не чуял, поэтому его я «взяла» сходу. И канал получился широкий и чистый, практически без помех, так что я смогла даже читать не только эмоции и образы, но и конкретно мысли. Почти идеальный объект! Беззащитный, голенький, однослойный – одно удовольствие такого работать!

А вот «работать» Эринрандира оказалось удовольствием совсем иного плана. Когда мой любезный начальник «открылся», я едва с кресла не сверзилась, ибо то был действительно поток. Мутный и бурлящий, с порогами и омутами, перепадами и всплесками. Тут впору вместо нашего мыслечтецкого жаргонного «тук-тук» говорить «буль-буль». И – на дно камнем... Но я отважно вдохнула, пробормотала короткую заклинашку-считалку: «Раз-два-три-четыре-пять, по мозгам пойду гулять, девять, восемь, семь и шесть, вам мои мозги не съесть!» Дурь, конечно, редкостная, но ведь помогает! И «вошла», периодически отфыркиваясь.

Ну, что сказать... Фонил он жутко! Брать настройку на эту больную голову оказалось той еще работенкой. Сперва меня накрыло полным букетом сомнительных радостей похмелья. Не успела отплеваться и пройти этот слой, как откуда-то из недр выползло чувство вины – ну, за вчерашнее, это понятно! – обильно приправленное смущением и злостью. И это я понимаю... Засучив рукава, отсекала и этот поток. Легче стало? Не-а! Теперь либидо повылезало! Проклятье, я счастлива и польщена, что мои прелести произвели на доблестного энчечекиста такое сильное впечатление. Нет, правда! Приятно сознавать, что с ориентацией у Эринрандира все в порядке. Но работать-то надо! Легендарный, орденоносный, ты где? Ау? О! Есть контакт! Здравствуй, мозг.

«Тук-тук. Это Нол. Я взяла».

«Принял».

С небольшой заминкой, но ответил он хорошо. Грамотно.

«Веду мага. Синхронизировать?»

«Незачем. Дублирую».

«Канал защищен. Давай».

Есть тут некий нюанс... Мысле-речь бывает разная. В данный момент общение должно было быть максимально кратким, емким и конкретным. Никаких «выканий», «милордов», «леди» и прочих расшаркиваний. Иначе настройка «слетит». Оно мне надо?

Ах, тис зеленый, как же приятно работать с опытным партнером! Специфические наши словечки знает, «нюансы» воспринимает адекватно... Кажется, все-таки споемся. Тьфу-тьфу. Поехали!

* * *

– Превед, ушастег! Кагдила? – Лёнчик обрадовался появлению следователя, словно увидел любимого родича. – Бум хавать мну моск?

В личном деле особо отмечалось, что разговаривает только на олбанском, в крайнем случае, на орочьем.

– Нисмишно, подследственный, – мрачно отчеканил Эрин, присаживаясь напротив. – Хочу поговорить с тобой про Горбатого.

– Ахтунг! Кросавчег! – истерично рассмеялся Л.Мышер. – Шозонах?

На клыках на верхней челюсти у него красовались золотые коронки, призванные подчеркивать духовное родство с вампирами. Вполне возможно, что на некоторых барышень эти произведения зуботехнического искусства и действовали гипнотически, тут исключительно дело вкуса, но дикция Леона оставляла желать лучшего.

– Ты гонишь, – спокойно отмахнулся Эрин.

Кем-кем, а геем Глеб Големов, более известный под кличкой Горбатый, не был никогда.

– Морозиш, ушастег. Йа этого пиндоса не трогал ваще.

«Врет!» – сказала Нолвэндэ.

«Знаю»

– Йопт! – возмутился Эрин. – Горбатый жог нипадецки! А ты, пэтэушнег, его опустил. Горбатого жалеть – себя не уважать. Но справедливости ради, надо сказать, что опущенный накануне маг считался одним из самых сильных в нашем районе.

От неожиданности Лёнчик слегка растерялся:

– Фигассе! Хундерстандишь по-олбански, падонаг?

– Дык! – насмешливо фыркнул эльф, мол, было бы чего знать. – Рассказывай, кто заказал Горбатого.

– Первый нах! Твой слив ниацьом, – проворчал подозреваемый.

«Прикидывается, будто он не при чем».

«Нол, не трать силы, не переводи с олбанского».

– Да что ты говоришь? Ему самому захотелось? Ты кому-нибудь другому будешь делать слив, а мне не надо. Тут даже ребенок пятилетний догадается, что Горбатого заказали. Кто? – продолжал настаивать Эрин.

– Убейсибяапстену! – возмутился маг.

«Женщина! – сообщила мыслечтица. – Через смотрящего передали приказ опустить. Денег обещали и хорошего адвоката нанять»

– Это женщина? Хашалыта?

«Он подумал не лыта², а гюла³», – тут же уточнила Нолвэндэ.

«Отлично! Значит не старая», – обрадовался Эрин.

– Молодая?

«Да. Фигура хорошая»

– Рыжеволосая?

«Рыжая, как лисица»

– Выпейяду! – взвыл Л.Мышер.

Как и у большинства людей, ментальные щиты у мага были слабенькие. При желании Нолвэндэ могла ложкой в его мозгах ковыряться.

² Лыта – старая женщина (орк.)

³ Гюла – молодая женщина (орк.)

– Малчег, я же от тебя не отстану, – честно предупредил эльф.

– А не лопнесс, деточга?

Ухмылка у псевдовампирки получилась мерзкая. Золотые коронки оттопыривали верхнюю губу, отчего Лёнчик выглядел вовсе не страшно, а в чем-то даже забавно. Что правда, то правда, за Эринрандиром водилась слава трудоголика, но не одержимого же.

– Ниждождесся. Тема сисек не раскрыта. Её зовут Мэйна?

«Сиськи...» – подавился мыслью Эрин. – «Нол, извини!»

«Ничего, бывает» – ответила девушка.

И даже мысленно не улыбнулась. Крепкие нервы у напарницы, ничего не скажешь. «Видеть» самую себя в неглиже в разуме напарника – это сомнительное удовольствие.

– Ты жопис увидел, ушастег? – отпирался Лёнчик.

«Это он о чем?» – переспросила Нолвэндэ.

«Спрашивает, нет ли у меня галлюцинаций»

– Тибе ф карцерчег хотцца, пэтэушнег? – мрачно поинтересовался следователь. – Пицот минут я тебе вмиг сображу.

– Баян!

– Пеши вmemориз, первонач, – злорадно огрызнулся Эрин. – Через неделечгу ты с Горбатым на одном насесте будешь сидеть.

– Выпеййаду! – заявил допрашиваемый, затравленно поглядывая на большое зеркало, за которым пряталась Нолвэндэ. Раньше Эрин приходил один, без мыслечтеца, но даже Лёнчик понимал, что дотошный эльф, если захочет, сумеет раздобыть себе и такого спеца. Надежда была только на то, что далеко не в каждом провинциальном НЧЧК есть возможность выписать себе мыслечтеца.

– Ты с девайсом? – подозрительно спросил маг и очень обиделся, когда понял, что эльф его сделал как маленького. – Танунах ты так опрично, начальничег?

Надо полагать, такой подлости от вежливого и симпатичного эльфа псевдовампир Лёнчик не ожидал. Никак не ожидал.

– Умнечко! Давай, давай! Юзай моск! – нетерпеливо прикрикнул следователь. – Заказчица – молодая, рыжая ведьма и зовут её Мэйна? Так?

«Да! Все именно так! Есть подтверждение!»

– Ну и зачот тебе! Догадался? Счас твой моск точно зохаваем.

Мысленно Лёнчик разразился длинной тирадой, смысл которой Нолвэндэ поняла прекрасно, но пересказывать Эрину не стала. Сплошной мат и угрозы, и ничего нового.

«Ругается?» – спросил следователь.

«Да»

«Фтонку флудераста», – решил эльф. Все, что нужно, он уже и так узнал. Благодаря Нолвэндэ.

Он нажал кнопку вызова для поджидающего снаружи дюжего конвойного-орка.

– Уведите! – приказал следователь строго, и сладко улынувшись на прощание Лёнчику, промурлыкал. – Увидимся ф курятничге.

И на всякий случай, наглухо закрылся ментальным щитом. Наверняка бедная мыслечтица уже не знает, куда деваться от мешанины мыслей и образов в его похмельном разуме. Для приличия, выждав несколько минут, чтобы напарница привела себя в порядок после допроса, Эрин осторожно постучал по стеклу, мол, выходи, представление окончено.

Денек выдался солнечный, заметно подморозило, и на свежем воздухе Эрин чувствовал себя гораздо лучше. Его не мутило, но очень хотелось курить.

– Погоди, давай покурим, – предложил он.

– Давайте.

Эльф присел на корточки под стеной и с нескрываемым наслаждением затянулся сигаретой. Организм медленно, но уверенно насыщался никотином, и под его напором похмельный синдром начал сдавать свои позиции.

– А что означает буква Л в имени Леона? – поинтересовалась Нол, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Летучий, – пояснил Эрин. – Очень символично, не находишь?

Нолвэндэ прыснула от смеха. Маг-рецидивист, косящий под вампира, по фамилии Летучий Мышер – это как-то совсем уж готично.

– Теперь дело пойдет быстрее. Ты мне очень помогла, – искренне похвалил эльф свою напарницу. – Даже дважды.

– Правда? А когда первый раз?

– Вчера. Когда графомажила показания Горбатого. Эта женщина, которую он так боялся...

– Вы уже кого-то подозреваете? – поинтересовалась Нолвэндэ. – Эту самую Мэйну?

– Рыжая прядь из желудка господина Бе-бе стала следующей зацепкой. Я пока не знаю, зачем она послала зомбей убивать банкира, и для каких целей ей потребовался кредит, о котором так старательно пытался не думать Глеб Големов. Но на то мы с тобой и сыщики, чтобы найти мотив, верно?

– А кто эта рыжая Мэйна такая?

– О! Мария Сидорова, она же Мэйна-Индюльгенция, личность необыкновенная, – усмехнулся невесело Эринрандир. – Самая большая шишка среди съючек. Крышует всех ведьм в нашем регионе. А в последнее время с ней даже столичный Ковен вынужден считаться.

– Я что-то такое слышала. Съючки – это такая человеческая секта? Вроде сетевиков? – решила уточнить графомагиня, пользуясь моментом, пока начальство расслабилось и расположено к откровенному разговору.

– В принципе можно и так сказать. Если быть совсем точным, то скорее крайне радикальное крыло в ведьминском сообществе, вобравшее в себя ехидных фанатиков всех мастей. Официально их центры и школы подготовки давно разгромлены, а главари сидят на нарах.

– А это не так?

– Нет, конечно, – хмыкнул Эрин. – Индюльгенция тому живой пример. Руку даю на отрез... хм... правую руку, что она лично подняла из свежей могилы покойного менеджера среднего звена... ну нашего господина Бе-бе, и его не пойманного до сих пор сотоварища. Ой, только не делай круглые глаза! Такие, как она, даже некромантией не брезгают. Это по телевизору показывают одних лишь зубастых лошадок, и под стенания защитников животных, с умными лицами сетуют на несовершенство законов о защите братьев наших меньших.

Бедную эльфиечку помимо воли передернуло. Эрину и самому не хотелось вспоминать о несчастных коняжках, превращенных съючками в плотоядных монстров. На животном лошадиных размеров, да еще и питающимся мясом, особенно далеко не уедешь. Вернее, уехать то можно, но только при условии регулярного и калорийного питания. Иначе первым такое, с позволения сказать, тягловое животное, сожрет седока. Казалось бы, ну купи машину – железяку бездушную, и езжай куда хочешь, только и трат, что на бензин. Ан, нет! Каждая уважающая себя ведьма-съючка считала за необходимость завести себе плотоядную лошадь непременно черного цвета.

– По легенде, именно на такой твари ездила сама Редда Ольховская – величайшая из ведьм всего человечества, – пояснил эльф-сыщик. – Я думаю, из-за этих ехидных стерв бедняжка Редда в хрустальном своем гробу теперь переворачивается.

– А что еще делают съючки?

– Спроси лучше, чего они не делают. Открывай АнтиМагический уголовный кодекс и читай все разделы подряд. Они на что угодно пойдут, лишь бы прирастить свою волшебную

силу, от обычного воровства до извращенного убийства. Смысл в том, чтобы достигнуть максимального уровня и тогда, опять же по поверью, обычная ведьма-сьючка превращается в неопобедимую, крутую магичку, которой подчиняется не только всякая нечисть, но даже демоны. Мария Сидорова, она же Мэйна-Индульгенция, насколько мне известно, из оперативных данных, одна из самых сильных и опасных ведьм.

– Ничего себе! – поразила Нолвэндэ эдакой наглости со стороны человеческой колдуньи.

– Вот теперь мы с тобой, леди, и начнем рыть носом землю, чтобы найти неопровержимые улики и собрать все возможные доказательства вины Индульгенции, хотя бы по последнему эпизоду. Если мы сумеем доказать, что Сидорова напрямую причастна к смерти господина Стоероса, что именно она послала к нему зомбей, то сделаем обществу большой подарок, посадив рыжую стерву за решетку.

К величайшему сожалению, информация, потом и мигренью добытая мыслечтецами, не могла служить доказательством в судебном процессе. Следствию требовалось собрать материальные улики, неопровержимо свидетельствующие о вине подсудимого.

– А если это не она?

– Она! – уверенно заявил Эрин. – Кому же еще? Основополагающий принцип дознания еще никто не отменял.

– Это какой? – удивилась стажерка.

– Кто кувалду стибрил, тот и гномку кокнул, – рассмеялся эльф. – Вот какой! – и добавил уже более серьезным тоном. – Но даже, если предположить, что Индульгенция ни ухом ни рылом в этой истории не замешана, то её персону без внимания все равно оставлять нельзя. Нам с тобой предстоит масса неприятной и зачастую совершенно тупой работы, прежде чем мы сможем кое-кого припереть к стенке.

– Я готова!

Видит Единый, здоровый юношеский энтузиазм – штука заразная. В хорошем смысле этого слова. Эрин сразу почувствовал прилив сил. Правда, позитивного заряда хватило только на сорок минут плодотворной работы. Он с легкостью написал очередной отчет, а потом нудная писанина все же свела на нет любую мозговую деятельность.

Не помогла ни чашка харадики в исполнении Нолвэндэ, ни еще одна сигарета. Организму требовалось более существенное лечение от вчерашних излишеств. Эрин уже начал мысленно придумывать причину для похода за пивом, когда появился товарищ Дзир.

Дроу полным решительности жестом распахнул двери и грозно возвестил о срочнейшей необходимости провести консультацию с товарищем Эринрандиром ап-Телемнарм по вопросу, не терпящему отлагательств.

– Срочно! Вопрос жизни и смерти!

Он решительно выволок из кабинета слабо упирающегося эльфа и увлек в свой отдел. Если бы Эрин не знал дроу, как облупленного, то, наверное, повелся бы на суровую физиономию и зловещие, алые отблески на дне его зрачков.

Вся антитеррористическая команда поджидала начальство в оружейной с уже откупоренными запотевшими банками «Черного Самайна» наготове. Борцы с магическими и обычными террористами были одной расы со своим патроном. Это немаловажное обстоятельство значительно упрощало взаимопонимание внутри коллектива. Именно поэтому, утром на своем шкафчике в раздевалке Дзир обнаружил спасительную емкость с пивом – заботливые сородичи постарались. Восстановление душевного равновесия шефа было и в их интересах тоже.

– Шозанах? – по инерции спросил Эрин и сильно смутился. – Извините.

– А! Ты с допроса? – отмахнулся Дзир. – Парни, дайте ап-Телемнару баночку. Его надо срочно спасать.

Пронаблюдав, с каким трудом эльфу удалось поймать пиво, брошенное по самой простой траектории, дроу впал в глубокую скорбь.

– Паучий случай! Эрин, так нельзя! Погляди на себя. До чего ты – светлый, между прочим, эльф, себя довел!

– До чего? – вяло полюбопытствовал тот, делая спасительный глоток холодного пива.

– До ручки. Только работаешь, куришь и пьешь, пьешь, куришь и работаешь. Сексом не занимаешься, в спортзал не ходишь, от коллектива отрываешься...

Список Эриновых прегрешений получался изрядный. Но под пиво вполне терпимый. Без живительной влаги, эльф бы точно не стал слушать дальних родственников, сразу послав Дзира куда подальше, а так он просто обиделся.

– Ну-ну... Ты меня пивом привел поить или вызвал на товарищеский суд?

– А ты себя в зеркало видел?

– Нет. И даже не пытался.

В узкое зеркальное полотнище, висящее на стене между огромными глянцевыми плакатами, Эрин увидел бы взъерошенную шевелюру, обведенные черными кругами глаза и впалые щеки существа, хронически измученного похмельным синдромом. Хотя... рядом с изображениями полунагих красоток-дроу в черном латексе и вооруженных разнообразным пыточным инструментом, перекошенная физиономия была бы вполне уместна.

– Я собственно ничего другого и не умею, – честно признался он, разведя руками в стороны. – Только работать, работать и работать, – и поразмыслив над сказанным, прибавил: – Стрелять еще умею. Довольно метко.

– Вот! – обрадовался дроу. – На эти выходные мы всей командой идем на полигон пострелять-побегать, считай себя приглашенным. Никакого бухла, исключительно спорт и здоровые развлечения, – отчеканил Дзир. – Не прийти у тебя не получится.

Оно и понятно. От приглашений дроу отказываться не принято. Дзир лично прикатит на своем огромном джипе-лосе, закинет в багажник и увезет на пикничок, где в качестве здоровых развлечений хоровое пение, замогильные шуточки и веселая национальная игра «Оживить покойничка».

* * *

Есть такие вести, что разносятся быстрее дуновения ветра. Само собой, вся местная контора уже прекрасно знала, чья именно я протеже. Поэтому реакцию обедающих энчекестов на громогласное приглашение Ытхана Нахыровича: «Леди Анарилотони, зайдите ко мне после обеда!» предсказать было несложно. Перекрестный обстрел взглядами, радостное «шу-шу-шу» из того угла, где кушали капустные котлетки и попивали морковный сок белокурые дриады, многозначительное хмыканье и характерный такой перестук... Мило. Похоже, по крайней мере, третья часть присутствующих уже искренне считает, что столичная штучка заслана специально. Ага, уже бегу стучать и наушничать! Вот только компот допью – и сразу, туфельки роняя...

Ну и пошла. Все равно Эринрандиру я была пока не нужна, к тому же, мне еще форму надо было на складе получить, так отчего бы не совместить? Я откопировала план здания еще вчера, чтоб не плутать потом. Не буду же я постоянно бегать за орденоносным милордом хвостиком, чтоб элементарно не потеряться?

– Проходи, девочка, – дядя Ытхан радостно помахал мне, но из-за стола не вышел. – Присаживайся. Я тебя надолго не задержу. Ты еще не в форме?

– Я как раз собиралась сходить на склад. – Я улыбнулась, отметив, что в мою сторону дядюшка орк старательно не дышит. Тоже. Тенденция, однако...

– Молодец. Ну, как ты, осваиваешься потихоньку?

– Да, понемногу.

– И – как? – орк даже дыхание затаил.

Все понятно. Это он мамочки моей опасается. Вдруг любимая доченька с писком бросится домой, под родительское крыло? И нажалуется на подлого орчину, подселившего нежную деву в соседки к аморальному и опальному алкашу. А что? Свою эскадрилью мулик, конечно, в воздух не поднимет, но вот стукнуть куда следует, чтоб спровоцировать незапланированную проверку, вполне способна. У нее на это хватит и связей, и коварства. А их тут потом комиссиями замучают... Экая я неудобная сотрудница, право слово!

– Что Вы, дядя Ытхан, все просто замечательно!

– А, – выдохнул тот, – ну славно, славно... А как тебе твой наставник?

– Великолепно!

– Нол, – орк отчего-то засмутился, застриг ушами и сморщил нос, – скажи честно... Он к тебе не приставал?

– Что Вы, дядя Ытхан, конечно же, нет!

– Ну, смотри... Если что не так – не теряйся, сразу мне говори, хорошо? Я Таурендилу обещал, что за тобой присмотрю, так что...

– Но ведь Вы уже замечательно за мной присмотрели, – я улыбнулась снова. – Даже когда я не на службе, то все равно под присмотром. Так?

– Экая ты, девочка, языкая, – Ытхан осуждающе покачал головой. – Я же хотел как лучше!

– Разве я недовольна? – я пожала плечами. – Извините меня, дядя Ытхан, но я, по-моему, ни слова против не сказала. Наоборот, я даже рада.

– А! – у начальства, верно, отлегло от сердца. – Ты это... знаешь что... Ты же не болтушка у нас, правда?

Я молча покрутила головой, мол, не болтушка, нет.

– Так вот, – продолжил орк, – у меня просьба к тебе будет... Касательно твоего напарника.

– Да? – я заинтересованно приподняла бровь.

Что-то дяденька Ытхан мнется. К чему бы это?

– Ну, ты сама уже видишь... Эрин – парень хороший, да только не повезло ему... История эта неприятная...

– Но все обвинения с него сняли. Даже в газетах писали об этом.

– Так-то оно так... Но ты же сама понимаешь. В нашей системе одного только снятого обвинения мало. Все равно остается этакий осадочек... неприятный. Думаешь, он просто так из Столицы сюда рванул?

Я пожала плечами, дескать, нет, не думаю.

– Ну, в общем, такое дело... Парень он хороший...

– Дядя Ытхан, Вы это уже говорили, – нетерпеливо намекнула я.

– Да? А, ну да... Хороший, только... хм... неустроенный.

Ага, сложненько подобрать приличный синоним к короткому и емкому «раздолбай», да, дяденька орк? Ну, послушаем дальше...

– Живет один, даже все праздники дежурит... Выпивает вот... немного.

«Немного? Ну-ну...»

– Но голова у этого ушастого – просто золото! Таких хитро...мудрых прохвостов ловил! Горит на работе, просто горит! Я прямо боюсь, как бы совсем не сгорел!

Я мгновенно представила себе синеокого Эринрандира в воспламенившемся кителе, рассыпающегося затем красивым курчавым пеплом. О, да! Зрелище было бы весьма... фееричное!

– Нол, ты, это... – орк опять замялся. – Ты... приглядела бы за ним, а? Живете теперь рядом, да и вообще... Он при тебе-то поосторожней будет. Эрин – парень порядочный и ответственный, лишнего себе не позволит.

«О, да, – злорадно подумала я, – воистину! Он и не позволил себе лишнего, даже вчера».

– Парень он хороший... – в третий раз начал дядя Ытхан, и тут я не выдержала:

– Дядя Ытхан, я все поняла! – для пущего эффекта я прижала ладонь к груди. – Присмотрю! Непременно присмотрю!

– Умница! – воодушевился орк. – А то ведь пропадет же эльфище, такой ведь эльфище пропадет!

– Ну, вы мне его прямо сватаете, – я невинно улыбнулась.

Орк поперхнулся, закашлялся и побурел.

– Нол! Да ты что?! Чтобы я... дочку Таурендила!.. Без его ведома!!! Да он же с меня шкуру спустит, родитель твой, а Аэриэн то, что останется, своим тварям летучим скормит! А вообще-то... – начальник немного попыхтел и небрежно заметил: – Ты бы пригляделась, девонька, а? Парень он хороший...

Следующие минут пятнадцать были посвящены перечислению достоинств моего напарника. Особенно отмечались скромность и благородство, светлая и холодная голова, чистые руки и горячее сердце, в общем, целый букет добродетелей, омрачаемый лишь неустроенной личной жизнью. Несколько ошарашенная таким всплеском красноречия, я кивала, понимая улыбалась и периодически вставляла «да-да», а дядюшка Ытхан разливался соловьем. Прямо как торговец, расхваливающий товар. По завершении этой горячей речи я уяснила несколько важных вещей. Первое: Эринрандир – парень хороший. Сложно было не запомнить, ведь я эту фразу прослушала уже раз семь или восемь! Второе – его надо спасать! От чего именно надо спасать легендарного и орденоносного, я понимала смутно, а уж как именно должны проводиться спасработы, вообще осталось сокрыто за пеленой хмыканья и недомолвок. Но – не суть! Спасать, так спасать. Третье – слегка отощавшего на казенных харчах синеглазого рыцаря мне ни в коей мере не сватают. Как можно? Без ведома и разрешения моих грозных родителей! Без благословения моих воинственных братьев! Почему-то, чем дальше, тем больше у меня создавалось впечатление, что дядя Ытхан где-то темнит. Читать мысли начальства – невежливо и нехорошо, да и наверняка у орка неплохой ментальный блок стоит... Короче, я не рискнула, хотя искушение было и велико. И четвертое – я должна немедленно возблагодарить судьбу за то, что мне в напарники и в соседи достался такой замечательный, такой сугубо положительный товарищ! И не надо обижаться на дядюшку Ытхана, который только ради меня и старается! И еще неизвестно, кто там за кем должен присматривать!

С самым серьезным видом, на который была способна, я поблагодарила судьбу и дяденьку орка, еще раз заверила его в том, как я ценю оказанную мне честь и высокое доверие, и откланялась, всеми силами стараясь подавить нездоровое хихиканье. Я дотерпела аж до женского туалета. Хвала знаменитой эльфийской выдержке! Но в тишине туалетной кабинки меня все-таки накрыло. Воспоминание о смущенно прядающем ушами дяденьке Ытхане оказалось сильнее и выдержки и хладнокровия. Я согнулась пополам и несколько раз сдавленно то ли хрюкнула, то ли всхлипнула, так, что слезы навернулись.

Сваха! Ну, чистой воды сваха! «Как необъезженного грифона продает», выражаясь словами моей мамочки. Пригляди и позаботься! Ага! И пригляжу, и позабочусь. Раз уж начальство приказало, то почему бы и нет? Тем более что о таком... м-м-м... достойном объекте я и сама не прочь позаботиться.

Все еще шмыгая носом, я вывалилась из кабинки к умывальнику, перепугав уборщицу-дриаду. Ой-ей, она же решит, что я там рыдала! Я и верно рыдала – от смеха. Но какие слухи поползут, а? На второй же рабочий день новая сотрудница в туалете плачет! Ах, зелен тис!

Придав физиономии максимально торжественное и холодное выражение, я потопала на рабочее место, рассудив, что шеф уже должен был вернуться со своего важного совещания с коллегой-друу, а я ему еще письмо брата не показала. Непорядок!

Глава 4

Шеф и вправду вернулся. Выглядел он заметно бодрее и даже слегка повеселел.

– Нолвэндэ! Где тебя носит?

– Меня Ытхан Нахырович вызывал, – отозвалась я и, предупреждая вопрос, добавила. – По личному делу. Насчет родителей интересовался.

– А! – Эринрандир несколько недоуменно посмотрел на мою унылую физиономию, но от комментариев воздержался. – Ну, ладно. Тут кладовщица звонила, Пиния Лавровна, – ясное чело энчеческиста слегка омрачилось при этих словах. – Для тебя комплект формы готов. Ступай на склад, получи. Не заблудишься?

– Второй подземный этаж, сектор 3, помещение 18-бис, – отчеканила я гордо. – Не заблужусь.

– Молодец, – похвалил шеф. – Иди давай, а то до конца рабочего дня не успеешь.

– Я вам кое-что показать хотела, – засомневалась я. – Я брату написала, ну, насчет бюстгальтера. Я рассказывала, помните? Так он мне ответил, и я...

– Некогда. Беги на склад, а то Пиния нервничать будет. Потом покажешь.

– Но это важно! – я нахмурилась. – О! А давайте я сейчас открою, а Вы сами почитаете!

– Почитаю, почитаю. Давай, беги.

– Я быстро! – оптимистично заверила я, открыла ноутбук, нашла письмо Аркуэнона и развернула машину экраном к начальству. – Меня уже нет!

Несмотря на план, по темным коридорам энчечекистских подвалов я все-таки поплутала, так что к моменту моего торжественного появления на складе пресловутая Пиния Лавровна уже успела потерять терпение. Белокурая в легкую прозелень дриада нетерпеливо постукивала длинными темно-зелеными ногтями по канцелярскому столу и пощелкивала степлером, на мой взгляд, несколько кровожадно. А уж взор волоокой девы, брошенный в мою сторону, сделал бы честь иному дракону... голодному.

– Что же, милочка, у вас в столицах принято вот так опаздывать? – недовольно буркнула дщерь заповедных лесов вместо приветствия. – Или вы, может быть, считаете, что мне тут делать больше нечего, кроме как дожидаться, пока Вы, наконец, изволите явить свой светлый лик, леди?

– Я прошу прощения, сударыня, – я улыбнулась как можно милее.

Насчет дриад мое мнение было сформировано еще мамочкой. По роду занятий и ей, и папе приходилось довольно много общаться с этими во всех отношениях прелестными особами. В силовых структурах дриады традиционно занимались делопроизводством и прочей окологанцелярской волокитой. В этом был некоторый изысканный садизм, приставить дриаду к бумажкам. А эта вот при складе... окопалась. Спросите, отчего я вот так сразу невзлюбила кладовщицу? Очень просто! Слишком уж громко и прямо она думала, словно гвозди заколачивала в мою голову. Я поморщилась, прикрываясь эльфийской ледяной любезностью от этого откровенно враждебного приема. Ну что взять с дерева? И как общаться? Разве что самой деревом прикинуться...

И тут я совершила должностное преступление. Использовала навыки и способности в, так сказать, личных целях. Очень уж нехорошо эта дама на меня поглядывала!

– ... вас таких много, а я – одна! – завершив этим эффектным пассажем речь, которую я, каюсь, пропустила, Пиния Лавровна выжидающе уставилась на меня, предвкушая, видимо, реакцию новенькой на откровенный наезд.

Я вдохнула, выдохнула – и начала «мозговой штурм». Что ж, посмотрим, пошли мне впрок мамины уроки или же нет. Мамуля способна найти общий язык с кем угодно, умение заговаривать зубы у нее в крови. Дракона уболтает, честное эльфийское!

* * *

Братец Аркуэнон своим откровенным письмом к любопытной сестре добавил еще один фактик к биографии госпожи Индульгенции, и без того насыщенной событиями и богатой на встречи. В том, что речь в нем шла о Мэйне-Сидоровой, Эрин ничуть не сомневался.

Однако же бойкой девицей она была в годы несправедной юности. Надо же, не испугаться и полезть в семейство леди Нолвэндэ! Это, знаете ли, не для слабых духом мероприятие.

Теперь бы выяснить, где и как поживает вышеупомянутая Мэйна, а так же чем занимается и какие имеет планы на ближайшее будущее. Повесткой ведь её не вызовешь, верно?

Но, как говорится, если упырица не идет к ведьмаку, то ведьмак идет к упырице.

Эрин решительно набрал заветный номерок, помеченный в записной книжке его допотопного мобильного как «Грима».

– 3-зы-дрась-те, – отозвался абонент.

– Нам бы поговорить. Наедине.

– Дык, нема вопросов. А о чем? – на всякий случай полюбопытствовал осведомитель.

– О бабах, естественно.

Собеседник задышал чаще и глубже.

– Всегда, пожалуйста.

– Тогда через полчаса там же, где и всегда, – буркнул эльф и отключился.

Для беспрепятственного посещения условленного места встречи пришлось немного замаскироваться. Эрин сменил форменный китель на мастерку от старого спортивного костюма, переобулся в растоптанные до состояния лаптей кроссовки с разноцветными шнурками. Чтобы спрятать свои приметные ушки, он натянул поглубже черную шапочку, а вместо стильного, хоть и вышедшего из моды кашемирового пальто, надел синий пуховик родом из Поднебесного Хинтая. Торговец на рынке мамой клялся, что куртка набита пухом фениксов, но, судя по лезшим из швов перьям, принадлежали они бакланам, добытым каким-то варварским, наверняка браконьерским способом. Пуховик жирно лоснился, совершенно не грел и кололся остями в самых неожиданных местах. Но для создания подходящего образа годился идеально. Особенно сегодня и в сочетании с Эриновым... гм... лицом. В дешевой забегаловке, посетители которой пили коктейли из водки и пива, эльфа примут за своего без лишних вопросов.

– Привел в гармонию форму и содержание? – язвительно поинтересовалась криминалистка Юсла.

Она принесла полный токсикологический отчет, застав эльфа в самый последний момент перед выходом. Орчанка уже знала все скорбные подробности вчерашней пьянки, и яростно осуждала собутыльников товарища Ытхана. Кто, как не эти бестолковые лентяи, лили в горло благородного энчекекиста свое мерзкое пойло?

– У меня дела в городе, – ответил уклончиво Эрин.

– Понятненько. Гляди, не попадись в таком виде на глаза своей напарнице, – процедила орка, демонстративно зажимая нос пальчиками.

– Это – как получится, – отмахнулся эльф.

– ап-Телемнар, ты отвратителен! – заклемила его криминалистка. – Как ты собираешься понравиться девушке, если будешь так бухать?

– Юсла!

– Что? Когда ты образумишься?

Эрин невежливо выдвинул орчанку в коридор и закрыл дверь перед её носом, давая понять, что скользкий разговор окончен.

– Воздержание вредно для здоровья. Тебе надо девушку найти! – прокричала приставучая Юсла вслед.

Отлично! Какие оказывается заботливые и внимательные у нас товарищи по работе. Просто плакать хочется, честно слово. Ну что ж, давайте сообщая, так сказать, всем коллективом, найдем Эринрандир девушку. Такую, чтобы довольствовалась редкими свиданиями и не обижалась из-за отсутствия звонков в течение трех-четырех дней кряду. Понимающую девушку, которая, по возвращении из душа, застанет любимого крепко спящим поперек ложа любви по причине смертельной усталости, и вместо истерики укроет его пледом, а утром, пока он будет наспех глотать кофе, с интересом выслушает занимательнейшую историю о том, как тот двое суток собирал в пакетик кусочки жертвы оборотня-маньяка. Терпеливую девушку, ни капельки не расстраивающуюся, когда в самый интересный и приятный момент долгожданного свидания, её возлюбленного срочно вызывают на убийство, не давая закончить... хм... начатое дело. Добрую девушку, готовую безропотно принимать в гостях шумную толпу соратников-энчечекистов, внезапно решивших провести друга вечером редкого, как снег в июльский полдень, выходного дня. Такую девушку, которой нравится отмечать праздники в компании подружек, потому что любимому не повезло с дежурством, которая никогда не мечтала о полноценном отпуске на берегу теплого ласкового моря, которая любит слушать о ходе расследования и приметах особо опасных преступников. И, разумеется, такую девушку, которая не будет вздрагивать от резкого полночного звонка и не станет подозревать, что на том конце провода суровый, но справедливый начальник хрипло пробасит после глубокого вздоха: «Мне тяжело говорить это тебе, девочка, но Эринрандир ап-Телемнар погиб при исполнении».

Пусть, как следует, постараются и найдут понимающую, терпеливую, добрую и любящую, чтобы Эринрандир смог испортить ей жизнь и разбить сердце. Что-что, а это делать он умеет лучше всех.

Кто спорит, жить без любви, поражая друзей и соратников чудесами сознательного воздержания, плохо и нездорово. Конечно, остаются еще дриады, но красивыми барышнями с цветочными именами и древовидными мозгами Эрин обьялся еще в Столице, когда та самая, которую он почему-то считал понимающей, терпеливой, доброй, любящей и верной, целенаправленно смешивала его имя с грязью в многочисленных интервью желтопрессным писакам. Как же не поделиться впечатлениями о личной жизни и сексуальных пристрастиях скандального сыщика, когда на этом еще и подзаработать можно?

Эрин скрипнул зубами от давней обиды и злости.

Все-таки сумели испортить настроение!

* * *

«Если не можешь задавить недоброжелателя чином, авторитетом или интеллектом, стань его другом», – наставляла меня мамочка. А папуля меланхолично добавлял: «Закорешись, то есть». Наиболее простой способ для достижения этой цели – позволить жертве выговориться, сочувственно кивать в нужных местах и задавать наводящие вопросы. Ничто так не радует сердце разумного существа, как интерес к нему, любимому.

Через полтора часа от начала моего знакомства с Пинией Лавровой в мире не нашлось бы более близких душ. За чашечкой травяного чая (гадость редкостная, но на тот момент я была уже уверена, что в питье нет ни рвотного, ни слабительного) дочь лесов захлеб излагала благодарной слушательнице очередную вариацию на вечную тему: «все мужики – сволочи». Оказывается, дриада в свое время активно мостила путь к сердцу и прочим органам моего начальничка – безуспешно. Этим, отчасти, и объяснялась ее враждебность. А он, негодяй, такой-рассякой аморальный алкоголик... Не выгорело дельце, короче. Зачем под сочувственные вздохи мне были пересказаны все перипетии нелегкого быта участников телешоу «Флэт-2», а также подробности личной жизни эстрадной певицы Мимозы и ее черного волкодава, перемыты косточки столичной элите, обсуждены последние моды... В довершение всего, в знак, я так понимаю, величайшего доверия, Пиния Лавровна продемонстрировала мне фотографии семейства ее домашних любимцев – древесных жаб, и даже дала послушать запись их хорового пения.

Последним очком в мою пользу послужило то, что очаровательно-строгий энчекекистский мундирчик оказался оливково-серого цвета. Подобная цветовая гамма мгновенно превратила меня в мышь бледную, обыкновенную. С моими темно-русыми волосами и серыми глазами, собственно, неудивительно. Тут уж фигура не спасет, и зоркий глаз дриады мигом углядел все недостатки. Надо было видеть, как она расцвела! Ничто так не радует женщину, как вид другой женщины в категорически не идущей ей шмотке! На то, собственно, и был расчет. Окончательно убедившись в том, что столичная штучка ей не соперница, Пиния Лавровна совершенно растаяла. Расставались мы нежно, именуя друг дружку «Пинечкой» и «Нолочкой». В общем, покидая гостеприимный склад Управления НЧЧК в новом, с иголки, мундире, я могла быть абсолютно уверена в том, что одной недоброжелательницей у меня стало меньше. И не спрашивайте, как это получилось.

Единственная неприятность заключалась в том, что от нервного перенапряжения (попробуйте покопаться в мозгах деревяшки и поймете, о чем я) со мной приключилась очередная приступ профессиональной мыслетецкой мигрени, да и вообще, хотелось выпить кофе и выкурить сигаретку. Зверски. Чтоб смыть привкус травяных чаев с языка и муть болтовни и сплетен из сознания.

«Я тебе камуфляж и зимний комплект завтра сама занесу, Нолочка, деточка», – проворковала на прощание Пиния Лавровна. Случай, как я понимаю, небывалый. Доблестные энчекекисты будут в легком шоке, полагаю. Хе-хе.

* * *

У сородичей товарища Шрака подобные заведения назывались по-гоблински колоритно – гандель. Дешевый треснутый кафель на полу, мутные, никогда не мывшиеся окна с решетками, крашенными в грязно-голубой цвет, кособокие столики, чья шаткость создает общее ощущение небольшого шторма, литровые стеклянные бокалы с липкими ручками – последний причал на пути ко дну. Здесь редко кто смотрит в глаза случайному собеседнику-собутыльнику. Зачем, если в них ничего, кроме желания забыться? Здесь все равны – люди и нелюди, иномиряне и коренные жители. Все одинаково мрачные, раздавленные жизнью и алчущие утешения в объятиях зеленого змия.

Именовалась сия обитель зла – «Ромашка», но, невзирая на упорную борьбу, ведущуюся его хозяевами не один год подряд, рука какого-то отчаянного правдолюбца регулярно исправляла букву «о» на букву «ю». Таким образом, истина, как ей и положено, торжествовала. От остального мира с его подлинным и мнимым благополучием, а заодно от центрального про-

спекта, «Рюмашку» отделял великолепный образчик современной рекламы – светящаяся ярко-алым фраза «Ключ к успеху». Где собственно располагался столь ценный скобяной товар, а так же местонахождение замочной скважины, куда его надлежало вставлять, до сих пор никому определить не удалось. Зато и Эрин, и завсегдатаи питейной точки вынуждены были смотреть на рекламный слоган в зеркальном отражении. «Чюлк к ухепсу» странным образом завораживал, направляя даже совершенно трезвые мысли в опасное русло парадоксальных ассоциаций. Было в нем что-то инфернальное, что-то нездешнее, действующее прямоком на подсознание. Вроде того жуткого иномирянского заклинания, превращающего человека в собаку, которое нелегальные мигранты завезли вместе с модой на реалити-шоу. И хотя *абырвалг* действовал только на лиц человеческой расы, но за его использование можно было схлопотать очень приличный срок.

Каждый раз, после созерцания пылающего *чюлка*, предназначенного для неведомого огненного *ухепса*, Эрина начинала жестоко мучить совесть. За ведомый им образ жизни, столь мало совместимый с идеальным образом служителя закона, к тому же, совершенно недостойный взрослого мужчины. Иногда хватало всего получаса *чюлка*, чтобы Эринрандир отставлял в сторону едва пригубленный бокал пива и торопился обратно в управление, чтобы с азартом и рвением фанатика наброситься на работу, и трудиться, трудиться и трудиться без отдыха и перерыва, до изнеможения. И так до тех пор, пока не приходил *ухепс*, а точнее, полнейший *ухепс*, за которым неотвратимо следовали вызов на ковер к Ытхану Нахыровичу, строгий выговор и временное изъятие табельного оружия.

Именно поэтому, явившись на встречу с Гримой, отважный энчекекист занял стратегически верную позицию относительно опасного для его рассудка словосочетания – спиной к окну. Так-то оно вернее будет, да и не время сейчас для душевного самоистязания. Заказав для своего визави полную кружку пенного напитка сомнительного происхождения, эльф в знак личного расположения присовокупил чекушку водки.

– Плохо выглядишь, начальничег, – вежливо посочувствовал информатор, тренированным движением смешивая привычный коктейль. – Может, и себе возьмешь кружечку?

– Спасибо, – сдержанно отказался Эрин.

– Я понимаю... служба..., – вздохнул Грима, и печально покачав головой, добавил: – Не бережешь ты себя, начальничег, совсем не бережешь.

– Не твоя забота, – довольно невежливо пробурчал эльф. – У меня к тебе будет маленькая просьба.

– И сразу к делу... экий ты торопыга... дай хоть пару глотков сделать, – простонал его томимый жаждой собеседник и припал губами к краю кружки.

Глаза его закатились, покрытый редкими волосинками кадык заходил ходуном...

Оперативное прозвище Грима господин Ароматский получил путем прямой ассоциации с именем знаменитого, почти легендарного двойного агента Гнилоуста. Ибо запах, исходящий от его уст при разговоре, отличался редкостным зловонием.

«Ну, а чего ты хотел? – спросил сам себя Эрин. – Паршивое место, безрадостное время, омерзительный собеседник. Все один к одному»

– Допил? Или еще хочешь? – равнодушно любопытствовал следователь, глядя, как информатор выщипывает последние капли чудодейственного напитка.

– Не-а! Сначала дело, а потом можно и повторить. Говори теперь, какая баба тебе вдруг понадобилась? – заявил Грима.

Профессиональная этика, как выяснилось, имелась даже у стукачей.

– Мэйна-Индульгенция.

– Фь-ють! Фигасе, ушастег! – от внезапного волнения Грима перешел на олбанский. – Отсыпь, а? Ты же вроде не курил никогда?

От страха перед всемогущей Индульгенцией стукач совершенно протрезвел.

– Тоже мне нашел террориста-смертника! – шепотом вскричал он.

– погоди, не дергайся! Я же не предлагаю похитить её любимый семейный лук. Просто узнай осторожно, где эта дамочка в последнее время любит проводить время, опять же, с кем из наших она сейчас предпочитает водиться. Ходили разговоры, что после стычки с дрю Мэйна окончательно переключилась на людей.

Господин Ароматский нервно отхлебнул водку прямо из бутылки. Его тревогу понять было легко. С одной стороны, мстительная стерва, способная испепелить предателя на месте, или, что еще страшнее, обратить одного в упыря. А, с другой стороны, не менее серьезное государственное ведомство, отличающееся редкостной злопамятностью и мстительностью. Поди без ста грамм разбери, против кого безопаснее дружить мелкому колдуну-вудуисту закона, только и повинному в том, что втихую торговал цыплячьими лапками.

– А с кем ей еще водиться? С кровососами Мэйна тоже недавно разоср...ссорилась. Не поделили деланочку конопельки, – проворчал Грима.

– Какую еще деланочку?

– Эрин, вы же знаете, как я вас уважаю?! – взмолился стукач, поняв, что случайно проговорился. – У шишек городских поинтересуйтесь, кому они за приличный откат⁴ отдали участок в одном живописном местечке. Я – человек маленький, я еще пожить хочу.

Эрин в ответ только цыкнул зубом от едва сдерживаемой злости. Ведь зарекался уже лезть в политику, хоть местную, хоть столичную.

– Я с откатами как-нибудь сам разберусь. А ты мне про Мэйну разузнай поподробнее. Особенно, удели внимание «Трем веселым феечкам». К слову, маленькому человеку среди людей... кое в чем ковыряться сподручнее, чем большому эльфу в том же самом, верно?

– А что мне перепадет от товарища эльфа? – осторожно полюбопытствовал Грима.

– А ничего тебе не перепадет, – заявил Эрин самым проникновенным тоном, на который был только способен. – Ни административного штрафа за уклонение от налогов, ни двух лет условно за цыплячьи лапки, ни пяти годков общего режима за практику обрядов вуду.

– Какой ты все-таки злой эльф, начальник, – с укором молвил стукач. – Грешно так, да с живым человеком.

Эрин только руками развел: мол, не обессудь, но времена пошли нелегкие, не до сантиментов нынче.

– А ты на завод иди работай, вместо того, чтобы мажеством промышлять, – неласково посоветовал эльф. Но еще одну кружку для Гримы все-таки заказал. И уходя, початую бутылку оставил на столе. Ибо не чужд был некоторым проявлениям бытовой филантропии⁵.

* * *

Медленно, чтобы не поскользнуться на льду в своих «лысых» маскировочных кроссовках, Эрин брел обратно в управление, кутался в пованивающий рыбьим жиром пуховик и думал о том, какого балрога подложит обожаемому начальнику, когда расскажет ему о земельных махинациях муниципальных чиновников. Ох, и придется Ытхану Нахыровичу кое-кому из городских властимущих наступить на хвост, чтобы выяснить подробности продажи злополучной «деланочки».

⁴ Откат – взятка, получаемая банкиром за предоставление кредита (ст. 66 п.2 АмУК)

⁵ Филантропия – профессиональное нервное расстройство у работников государственных учреждений, чья деятельность связана с работой с иномирянами

Без всякого сомнения, некоторый смысл в поступках госпожи Сидоровой просматривался. Участок, невзятый кредит в «ЭнтОбналБанке», убитый управляющий одного вполне укладывались в единую логическую цепочку. Эрин ни капельки не сомневался в том, что Мэйна задумала и осуществляет большой и абсолютно противозаконный проект. Осталось выяснить, какой именно. Потому что, чем дальше двигалось расследование, тем чаще Эринрандира посещали мысли о Магической академии. Следовательно из всех сил старался не накручивать себя и не тревожить раньше времени начальство, но его подозрения только крепили. Разумеется, Индульгенция действовала через подставное лицо и, конечно же, бесполезно искать какие-то документы в дирекции осиротевшего банка, тем более, что зомби унесли с собой сейф. Если Сидорова отважилась брать кредит, значит, общака ей оказалось мало, а создавать фирму сетевого маркетинга – слишком долго. Пока дистрибьюторы пройдутся мелким гребнем по кошелькам лохов, время уйдет, а Мэйна торопится. Видимо, собрала под крыло достаточное количество сыючек, чтобы повысить собственный ранг. Девушка она была амбициозная, наглая и бесцеремонная, а слава Гарика Поттного давно не давала ей спать спокойно.

– Смотри, куда прешь?!

На деле Эрин прекрасно видел, что навстречу ему идет компания, и собирался аккуратно обойти людей сторонкой, хотя их было всего четверо.

– Да он нас не уважает! – громогласно заявил вожак – длинноволосый, косящий под друида, тип средних лет.

Что, в общем-то, было на взгляд энчечекиста странновато для района и времени суток. Избить плохо одетого бездомного, бредущего от разливочной – любимое развлечение человеческого молодняка, но никак не взрослых.

– Я вас не трогаю, и вы меня не трогайте, – строго сказал эльф.

Драться он умел, к тому же был уже совершенно трезв, но связываться с агрессивной толпой все равно не хотелось.

– Это кто это у нас тут гавкает? – деланно удивился соратник «друида», тоже не производивший впечатления рафинированного интеллигента.

– С тобой не гавкает, а разговаривает сотрудник НЧЧК, – ответил Эрин и продемонстрировал свое удостоверение.

На обычных хулиганов грозная аббревиатура производила сильное впечатление. Но, то на обычных, а эти оказались готовы к такому повороту судьбы. Скорее даже наоборот, они обрадовались, ибо не ошиблись адресом.

– А вот ты и попался, ушастый! – возликовал «друид». – Бей его, ребята!

Эринрандир успел нажать на телефоне кнопку быстрого вызова, но пока приехала полиция, кулаками и ногами намахался изрядно, а заодно отхватил по коленям, ребрам и в глаз. К счастью, на ногах ему удалось устоять, а потому более серьезных травм энчечекист избежал. С полицейскими тоже получилось довольно быстро договориться (на них его удостоверение как раз прекрасно подействовало), чтобы не тащиться в отделение и до глубокой ночи не составлять протоколы. Они же на патрульной машине подбросили Эрина до управления. Во-первых, надо было переодеться, а во-вторых, зайти в травмопункт. Если бы в соседней квартире не жила напарница, то эльф точно не стал бы возиться со своим заплывшим глазом. Общую картину духовного падения и морального разложения синяк практически не усугубил. А так, мало того, что вчера напился, мало того, что ввалился к девушке без спросу, мало того, что весь день терзал её обоняние перегаром, так осталось еще ослепить леди Нолвэндэ сиянием классического «фонаря».

Однако приют энчечекистских эскулапов был уже закрыт. Пришлось идти на поклон к товарищу Шраку. Тот, молча полюбовался на разукрашенную физиономию коллеги, и снизошел до акта исцеления, в очередной раз заставив Эрина завидовать белой завистью волшеб-

ному дарованию гоблинов. Магия Шрака отличалась сочетанием простоты и необыкновенной эффективности. Он всего лишь скрутил фигу и энергично сунул её в лицо эльфу.

– Глаза закрой, светофор ушастый.

Эрин послушно сплющил веки. Запахло озоном, в лицо дыхнул легкий морской бриз.

– Свободен, – объявил гоблин. – Только переоденься и умойся, как следует.

– С меня бу..., – Эринрандир осекся под грозным взглядом Шрака. – Уже ухожу.

И выскользнул прочь, попутно ощупывая совершенно здоровый глаз. Несмотря на побочный эффект – высоко поднятую бровь, орган чувствовал себя великолепно.

И все же, вопреки всем мерам предосторожности, «Чюлк к ухепсу» подействовал на Эрина, хотя и весьма парадоксальным образом. По дороге домой он зашел в супермаркет и купил продуктов. Пусть это были в основном полуфабрикаты и консервы. Но для энчечеккиста полный холодильник еды – явление уникальное, граничащее с чудом.

* * *

Бессовестно воспользовавшись отсутствием шефа, я влезла в Паутину (ну, а как, по-вашему, может называться система компьютерной связи, придуманная дроу?) и принялась искать строительный магазин, дабы прикупить себе замочек и еще кое-какие метизы. И ничего удивительного! В то время как у моих братьев любимой игрой была сборка-разборка станкового пулемета, я устраивала рёв, стоило отобрать у меня наборчик строительных инструментов. «Моя кровь!» – гордо восклицала мамуля, умиляясь очередному завинченному шурупу или забитому гвоздю. Дрель, шуруповерт и лобзик вполне успешно соседствовали в моей комнате с плюшевым грифоном Мурзиком, без которого я категорически отказывалась засыпать. При переезде Мурзика пришлось оставить, и теперь я тосковала по нему значительно сильнее, чем по столичным удовольствиям. И в первом же письме родителям я, смущаясь и сама на себя злясь, все-таки попросила выслать пушистого любимца заказной бандеролью...

О! Нашла! «ГномМетИзы» – настоящие метизы от подгорных мастеров и только проверенный электроинструмент! Проверено шахтами! Все Эпохи с вами! Фирма «Дети Дарина». Ну, если действительно гномские, тогда ладно. Надо зайти глянуть, все равно по дороге. Ого! Далеко шагнул прогресс. И карточки принимают. Просто блеск. Решено, иду.

Если почтенных бородачей-продавцов и удивила нежная эльфийская дева, вдумчиво выбирающая электроинструмент, крепеж и скобяные изделия, то ощутимый нолдорский акцент это удивление развеял. Когда мне надо, я вспоминаю о том, что я мамина дочка – потомок Премудрых искусников, как-никак. В итоге замочек мне продали преотличный, а коробочку саморезов вообще дали в подарок. Порадовав себя еще и прекрасной ударной дрелью с реверсом (плюс набор сверел, буров и бит), а также новым молотком с гвоздодером, я направилась домой, предвкушая ремонт. Не знаю, как для кого, а для меня это – праздник! Покупку торшера решено было отложить до первой зарплаты, а вот кофеварку – дешевую хинтайскую модель, на остатки «чулочных» денег я все-таки купила. Благородная леди всегда держит слово! Раз обещала сама себе, что куплю на работу кофеварку, значит, так тому и быть! И неважно, что упомянутая леди будет теперь кушать. Можно и почти вегетарианкой временно побыть, перебиваясь овощным рагу и яичницей. В конце концов, очень многие до сих пор уверены, что эльфы по природе своей должны питаться исключительно растительной пищей. Забавно все-таки, как живуче это мнение среди иномирян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.